

Женщина из морга

Виктория
Балашова.

Впервые вместе с романом
повесть спин-офф «Afterparty»

16+

Виктория Балашова
Женщина из морга
Серия «Детективные загадки:
реальность и мистика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54815917

SelfPub; 2025

Аннотация

Мужчинам читать строго запрещено! Как оказались связаны между собой патологоанатом, частный детектив, три домохозяйки и их богатые мужья? Куда пропала Алевтина, кто такие инквизиции, и почему не надо злить женщин? В книге Виктории Балашовой найдутся ответы на все эти вопросы. Динамичный, захватывающий роман «Женщина из морга» некоторые критики успели назвать гимном феминизму. Составьте свое мнение. Может быть, вы увидите эту странную историю, произошедшую однажды в Москве, в несколько ином свете. И когда после прочтения книги вы заметите на улицах города множество красивых женщин, то подумаете: «А не из морга ли они вышли?» В этом издании впервые публикуются две главы, не вошедшие в роман – еще две женские судьбы.

Содержание

Женщина из морга	4
Москва, лето-осень Часть 1	7
Первый	7
Второй	26
Третий	51
Москва, осень Часть 2	73
Часть 3.	94
Раз	94
Два	97
Три	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Виктория Балашова

Женщина из морга

Женщина из морга

Из искры возгорится пламя...

(И. С. Одоевский)

– Выпьем, блин, за мужчин! – провозгласила блондинка, поднимая бокал с шампанским.

– Что за всех? И за тех тоже? – недовольно скривила рот брюнетка.

– Вообще бы о них не вспоминать, – кивнула рыжеволосая.

– Если бы не они, мы бы здесь не сидели, – блондинка продолжала держать бокал.

– Верно, – согласилась брюнетка и тоже подняла свой.

– Девчонки, за мужиков. Все, что ни делается – к лучшему! Чин-чин! – рыжеволосая улыбнулась.

Над столом раздался звон хрустальных бокалов. Завораживающий смех трех красивых женщин еще долго слышался в ресторане у озера, заставляя оборачиваться в их сторону всех находящихся неподалеку мужчин...

Ресторан был похож на летающую тарелку, неведомым об-

разом приземлившуюся в самом центре города. На фоне серого московского неба он сверкал, как огромная звезда, возвышаясь над маленькими домами, рассыпавшимися по переулкам Старого Арбата. Домами, которые по чистой случайности все еще оставались в живых...

Поговаривали, в ресторане творятся чудные дела. Поговаривали, там можно-таки увидеть на сцене черт знает что. Поговаривали, но проверить могли лишь избранные – вход стоил запредельных денег, меню – денег просто немыслимых. А уж когда ночами шли шоу-программы, попасть в ресторан можно было лишь если у тебя столик зарезервирован за несколько месяцев до желаемой даты. Или, как это всегда бывает на Руси, – независимо от того, девятнадцатый ли век на дворе, али ближе к середине двадцать первого – по большому благу ...

– ... жить они будут вечно!

– Вечно?! Постоянно танцевать на этой сцене, скидывая с себя нехитрую одежонку, кокетливо повиливая бедрами... Наказание хуже некуда. Хуже, чем продать душу дьяволу!

– А они и не просили. Так жизнь распорядилась. Но не жалей их – им хорошо. Танцуют от души!

– Не может быть...

– Может... Я вот тоже иногда хочу бросить все к чертовой матери, взбежать на сцену, избавиться от всех этих костюмов и галстуков! Да и зажечь!

– Вечно, вечно зажигать надоест.

– Не знаю. Я вечно ничего делать не пробовал...

– Вранье все. Про вечную жизнь. Даже робот может сломаться. Так, народ завлекают.

– Возможно. Но я верю. Хочется, знаешь, во что-то верить. Пусть даже и в чушь несусветную. Я с мужиком одним разговорился. Он работает там. В гардеробе.

– Вот тот неприятный мужик, от которого несет смертью за версту? И что? Наврал тебе с три короба. Его, может, держат специально, посетителям байки рассказывать.

– Может и наврал. А история интересная.

– Эх! Давай, говори. Послушаю. Все равно делать нефига.

Про вечную жизнь чего ж не послушать сказочки.

– История – не про вечную жизнь. Про жизнь вообще. В общем смысле этого слова.

– В общем, так, в общем. Короче?

– Случилось это лет десять назад...

– Точно, не про вечную! Даже не смешно! Десять лет назад!

– Не интересно, не слушай. Сам попросил, а теперь перебивает...

– Говори, говори. Реально интересно. Больше не буду перебивать. Просто не удержался, съехидничал. Больше не буду...

Москва, лето-осень Часть 1

Первый

– А-а-а, – закричала она, мечась по комнате в поисках одежды, – блин, он пришел, черт, почему так рано? Что ему не работается!?! Блин! Блин! – Анна продолжала ругаться, напяливая на себя трусы задом наперед, так что на попе оказалось в итоге материала гораздо меньше, чем было задумано. – Лезь, что ли, в шкаф пока. «Как в кино, блин», – подумала она и пошла открывать дверь. За спиной осталась разобранная кровать и засунутый в шкаф-купе любовник.

– Привет, милая, – идиотский муж радостно улыбался, – сегодня мы подписали классный контракт, и я решил пораньше прийти домой, – тут, наконец, Андрей заметил неладное. – А что-то ты взъерошенная такая, Анечка, и постель разобрана, – он как стоял истуканом в дверях, так и продолжал стоять, прижимая к груди бутылку белого вина.

Хорошо, что люди догадались придумать шкафы-купе. В них гораздо удобнее прятаться от мужей, чем в шкафах классического дизайна. Во-первых, просторнее, во-вторых, стоишь ногами на полу и не боишься, что шкаф рухнет вместе с тобой, в-третьих... Алекс закатил глаза к потолку и не придумал ничего третьего. В шкафу пахло Аниными духа-

ми. Алекс присел на корточки, стоять надоело. Делать было решительно нечего, выходить из шкафа было опасно. Осталось сидеть и вспоминать, что они там сегодня вытворили в постели.

– Андрюшенька, кхы-кхы, – зачем-то покашляла Анна, – я, представь себе, отравилась сегодня чем-то. Жутко так отравилась! – она сделала большие глаза и запахнула халат плотнее на груди. – Лежу вот в постели целый день, даже не могу выйти на улицу в аптеку, потому что меня шатает, да и в туалет все время бегаю, – в этом месте Анна снизила голос до шепота и скосила глаза в сторону.

– Боже мой! – вскрикнул заботливый муж. – Так я сейчас, мигом. Бедная ты, бедная, что ж ты съела такого? Ой, ой, целый день! – Андрей причитал, стоя в дверях.

«Да иди уже, – Анна легонько водила тапкой по паркету, готовая в любой момент сорваться обратно в спальню, вызволять Алекса из шкафа, – отдай свою чертову бутылку и иди!» Анна пыталась мысленно гипнотизировать мужа, тапка слегка соскакивала с ноги, она пихала ногу плотнее внутрь.

– Побегал, побегал, – Андрей, наконец, повернулся к Анне спиной, к входной двери передом и вместе с бутылкой вышел из квартиры.

– Выметайся оттуда, быстрее! – Анна бежала в спальню, на ходу выкрикивая команды. – Выметайся и одевайся, бы-ы-ы-стреее!!!

Алекс встал, отодвинул дверцу шкафа и неспешно начал одеваться.

– Куда делся муж-то? – спросил он флегматично.

– В аптеку. Я сказала, что у меня понос.

– Ф-у-у-у, – протянул Алекс, подпрыгивая на одной ноге и пытаясь второй попасть в штанину. Алекса шатало, он терял равновесие и в штанину никак не попадал.

– Фу не фу, а смотался в аптеку. Быстрее, тебе говорят! Аптека за углом. Он вернется сейчас обратно. Блин, как в плохом кино, блин.

Аниным словом-паразитом являлся «блин». Она это знала, но избавиться от паразита не могла никак. Ей было сорок пять лет, из них как минимум тридцать «блин» являлся частью ее активной лексики. Может и больше, но Анна про более ранние годы точно не помнила. Периодически кто-нибудь пытался ее от «блина» отучивать, но бесполезно. Даже в те времена, когда она еще работала, Анна могла неожиданно для себя ляпнуть паразита в самый неподходящий момент. Особенно, когда она нервничала. Сейчас был тот самый случай – Анна нервничала, «блины» сыпались, как из рога изобилия.

Алекс, наконец, застегнул ширинку. В этот момент снова раздался звонок в дверь. Анна открыла рот, закрыла, pokrutila головой по сторонам, схватила Алекса за руку и потащила в коридор. Алекс по дороге напяливал футболку и послушно топал за любовницей.

Анна открыла дверь в надежде, что, может, это все-таки не муж из аптеки вернулся через пять минут, а какой-нибудь там сосед зашел за щепоткой соли. За дверью, блин, стоял муж. По-прежнему с бутылкой вина в одной руке, а теперь еще и с зеленым аптечным кульком в другой.

– А-а-а, – проблеяла Анна, делая перед носом у Андрея круги руками, – представь, блин, мимо проезжал друг моей подруги. Алекс, блин, новый друг Ирки, прикинь! – тут Анна руками сделала взмах в сторону стоявшего позади нее мужчины.

– Здравствуйте, – вежливо произнес мужчина, – Александр.

Он протянул вперед руку для приветствия. Рука до Андрея не доставала – мешала Анна. Она загоразживала собой все пространство между Андреем и Алексом, так что даже последнему приходилось немного отклоняться в сторону, чтобы поздороваться с хозяином.

– Андрей, очень приятно, – сказал слегка опешивший муж, тоже попытавшись протянуть навстречу руку для крепкого мужского пожатия.

– А ну и ехал он тут мимо, решил заехать по дороге. Привет от Ирки передать, блин, – Анна продолжала вставлять в свою речь паразита, которого не успевала никак поймать до момента вылетания изо рта. Алекс топтался голыми ногами по полу. Анна надеялась, что джинсы длинные, и Андрей голых ног не увидит.

– А что-то вы без ботинок, – заметил все-таки глазастый муж отсутствие обуви на ногах друга подруги.

– Так тепло ж, – развел руками Алекс, – ноги вспотели в машине совсем, я не удержался и снял с позволения вашей супруги обувь. Да и чтоб, знаете, не пачкать тут.

– Я говорю, вы, Александр, проходите, блин, не стесняйтесь. Я, правда, немного больна, но чай, может, вам, блин, вскипячу. Вот и муж сейчас придет, вместе поьем, – Анна немного отодвинулась в сторону.

– Да-а, конечно, – Андрей продолжать стоять в дверях, – может тортик сходить купить? К чаю.

– О! Тортик не надо, не утруждайтесь так совсем, – Алекс попытался пройти чуть вперед к двери, – я вот привет передал и поеду дальше. Да и ноги уже немного проветрились. Можно и надеть что-нибудь на них.

– Я не утружусь, не волнуйтесь, – Андрей слегка все же решил отойти в сторону от двери, но Анна с места не двигалась, и он продолжал стоять на прежнем месте.

Алекс немного замялся. Носки у него предательски торчали из кармана штанов. Хорошо еще, он их успел туда засунуть, в последний момент заметив, что они валяются около кровати на полу. Кстати, он совсем не помнил, где оставил свои мокасины. В пылу страсти они с Анной все поскидывали бессистемно, и теперь он лихорадочно пытался косить глаза во всех направлениях в надежде увидеть обувь.

– Ха-ха-ха-ха-ха, – неожиданно прохотала Анна, при

этом зачем-то громко хлопнув в ладоши, – а тортик не надо, я же желудком страдаю.

Мужчины слегка от хлопка вздрогнули, Алекс воспользовался замешательством и крутанул, как следует головой по сторонам. Мокасины стояли немного вразброс – одна ближе к спальне, другая – совсем рядом с Андреевской ногой. «Как это я так?» – подумал Алекс.

– Но давайте что-нибудь такое съедим, что, блин, крепит, – Анна понимала, что несет полную ахинею, но остановиться не могла. Она заметила и носки, торчавшие из Алексовского кармана, и мокасины, разбросанные по коридору, и теперь стала нервничать еще сильнее.

Алекс натянуто улыбнулся, вытянул ногу вперед и ловко подцепил одну из мокасин прямо из-под ноги Андрея.

– Извиняюсь, – сказал вежливо Александр.

– Ничего, ничего, пожалуйста надевайте, если уже проветрились, – Андрей совсем вжался в дверь, которую закрыл, войдя, не плотно, и вывалился наружу. Алекс быстро сориентировался, что было для него в принципе нехарактерно, и скакнув на пару метров назад, надел вторую мокасину, затем также быстро скакнул вперед. Когда Андрей водворился обратно в квартиру, Алекс уже стоял в обуви, и даже носки были запихнуты полностью в карман и не вылезали предательски наружу. Правда, карман сильно оттопыривался, но не будешь же у постороннего человека интересоваться «а чего это вы там напихали в карман». Напихал, значит, надо так было.

– Ах, как время-то летит, – заорал вдруг Алекс, воздев глаза к потолку, на котором часов явно не наблюдалось, – соли же еще надо подкупить. Оля сказала, что вся уж кончилась.

– Какая Оля? – встрепенулся пришедший в себя после выпадения из квартиры Андрей.

Анна больно локтем стукнула Алекса в живот.

– Оля – это матушка Алекса, – сквозь зубы прошипела она мужу. – Алекс ее с детства зовет по имени, блин. А к Ире он позже поедет, после матушки.

«Почему «матушка»? – подумала Анна. – В жизни так никого из матерей не называла. А этот тоже хорош. Мог бы и запомнить, что подругу я назвала Ирой. Блин, короче, подгорелый!»

– Да, да, – закивал согласно Алекс, – Оля шикарно всегда выглядела, шикарно. Рука, прям, знаете, не поднималась называть ее мамой. Оля и все тут. А сейчас не очень она себя чувствует. Лежит, можно сказать. Лежмя. Вот соли поеду ей отвезу. Может еще сахару. Так на всякий случай. А потом, прям к Ире. Привет от вашей супруги повезу. Ответный, так сказать.

– Блин! – Анна решила положить конец этой милой беседе сама, так как Андрей продолжал стоять истуканом в дверях, а Алекс соответственно за ее спиной. – Блин, в туалет мне надо, господа. Уж простите, расстройство желудка. На почве приема таблеток для похудения, видимо.

– Анечка! Зачем же для похудания? – запричитал муж, не двигаясь с места. – Ты и так обладаешь прекрасной фигурой.

– Да, да! – согласно закивал Алекс, не сразу сообразив, что проявлять так активно в этом месте галантность неуместно. – То есть они вредные, Анна. Не надо их принимать. Видите, чем все это заканчивается.

«Сдвиньтесь же вы с места, идиоты!» – Анна готова была уже применить силу по отношению к обоим мужчинам, лишь бы они разошлись, наконец, в разные стороны. Она начала выдергивать вино и кулек из рук Андрея. Тот сначала покупки не отдавал, но потом сдался. Анна развернулась и пошла в сторону кухни. Сзади послышалось шуршание, шарканье и сопение. Она обернулась: Андрей и Алекс пытались поменяться местами, маневрируя на маленьком пятачке, при том, что размеры коридора вполне позволяли разойтись более нормальным способом. «Идиоты, блин, как в плохом кино, блин».

– До свидания, пошел я, – донеслось из коридора.

– И вам не болеть, – попрощалась, как смогла, Анна.

Дверь захлопнулась. Можно было вздохнуть спокойно. Остаток дня пришлось пролежать в постели, часто вылезая из нее только для того, чтобы пройти в туалет. Туалет за вечер успел сильно осточертеть. Все-таки когда тебе туда не надо, сидеть в туалете препротивно. Все ж не театр. Анна упорно притворялась больной, с мужем ей общаться было неприятно всегда, а тем более, сегодня.

Иногда Андрей принимал виагру и тогда в постели пытался к жене приставать. Ей было противно. Особенно противно стало после того, как любовники начали молодеть. Раньше она гуляла налево просто от нечего делать, а может оттого, что у нее была болезнь под названием «бешенство матки». Так, по крайней мере, это называла Анина подруга.

– У тебя бешенство матки, – объясняла она Анне за чашкой кофе, – ты не можешь спокойно жить с мужем, который с тобой спит редко. Тебе подавай мужика каждый день.

Анна с подругой не очень соглашалась, но действительно изменяла мужу уже лет двадцать. Началось это после того, как ребенок пошел в детский сад, и не закончилось по сей день. Но сей день отличался от всех предыдущих тем, что к ней стали проявлять интерес мужчины помоложе. Алексу исполнилось двадцать семь, с ним Анна встречалась около трех месяцев. Впервые муж ее застукал именно с Алексом, потому что он жил с родителями, встречаться им было соответственно негде, и Анна приглашала его днем к себе. Раньше как-то было проще: то она встречалась с любовниками у них на квартире, то они снимали номера в отелях, а с некоторыми «долгоиграющими» снимали даже квартиры. Алекс не имел ни денег, ни своей жилплощади, правда у него было много других чисто мужских достоинств. Можно было, конечно, проспонсировать съём квартиры самой, но Анна всегда предпочитала, чтобы за все платили мужчины. Ей пре-

тило тратить свои, а точнее, мужнины деньги на любовников. «Пока не настал, блин, тот час, когда я, блин, заплачу за мужика, – поясняла Анна непонятливым подругам. – Вот, когда морду совсем от ботокса скосоворотит или целлюлит совсем растечется по телу, блин, тогда может и начну».

Анну на мужчин тянуло с молодости. Например, с будущим мужем они случайно переспали в гостях у однокурсницы. В одной из комнат все и случилось. А в результате получился ребенок, и они расписались. Андрея Анна не любила никогда, но с годами как-то смирилась с его наличием. Тем более, что вскоре муж начал зашибать огромные деньжищи. На себя он их практически не тратил. Все уходило на сына и жену. Сын уехал учиться в Швейцарию, а жена ушла с работы и тратила на салоны красоты, поездки за границу, ну и прочие мелочи, типа мехов и бриллиантов. Андрей Анну и любил, и ненавидел одновременно. Он знал, что она ему все время изменяет, но сделать с этим ничего не мог. Он, как дурак, верил всем ее рассказням, пытался время от времени реабилитироваться, как мужчина. в постели, но ничего путного из этого не выходило. Наоборот, с годами ситуация становилась все более плачевной. Психолог, к которому попытался было ходить Андрей, сказал, что «не стоит» у него из-за измен жены. Падает самооценка, ну а с ней падает и еще кой-чего...

Алекс позвонил на мобильный и поинтересовался, как де-

ла дома.

– Нормально, – тихонько прошептала в трубку Анна, – лежу, блин в постели, прикидываюсь больной желудком, блин.

– Ну давай, выздоравливай, – хмыкнул любовник, – а то хочется побыстрее снова встретиться. Сегодня было классно. Несмотря на болезнь, – Алекс снова заржал, – ты была на высоте.

– Завтра, давай завтра встретимся, – Анна заерзала в постели, вспомнив события, происходившие в этой спальне днем. – Позвоню тебе, как проснусь.

Муж зашел в комнату в пижаме с виноватым выражением лица и прошлепал к своей части кровати.

– Кто-то звонил? – спросил он заискивающе.

– Да, блин, Ира, – Анна захлопнула телефон, – интересовалась моим здоровьем.

– Кстати, как ты? – поинтересовался муж. – Может мне там это... того... виагру принять? Хочешь?

– Нет! – рявкнула Анна. – Ни-ни! Мне сейчас не до секса. Блин!

– А ты зачем пьешь, Анечка, все-таки эту гадость?

– Какую гадость?

– Ну таблетки для похудения, – напомнил Андрей причину расстройства желудка. – Ты ж и так стройная.

– А-а-а, блин, ты про это... – Анна нахмурила лоб.

Она действительно была не то, что не толстая, а, можно сказать, худая. Личный инструктор подтягивал с помощью

тренажеров все, что надо подтянуть, массажист вносил в это дело свою лепту. Матушка природа тоже не сидела сложа руки – Анна к полноте явно склонна не была. Но одна из ее подруг принимала таблетки для похудения, она знала, что от них подруга часто бегала в туалет, поэтому и соврала первое пришедшее в голову.

– Попробовать решила, знаешь, так просто. С целью научного эксперимента, блин. Больше не буду. Таблетки уже выбросила даже. Блин.

Почему Андрей пытался всегда ей угодить, оставалось загадкой для него самого. Перед ним на кровати лежало отличное женское тело, выглядящее намного моложе, чем его собственное, хотя тела были практически одного года выпуска. Его тело стало дряблым каким-то, несвежим что ли. Впереди торчало не убираемое никакими силами пузо, реденькие волосишки на груди и спине поседели, и уж лучше б их не было вовсе. А висящее где-то внизу достоинство придавало ему совсем жалкий вид. Андрею казалось, что даже рост у него с годами уменьшился. То есть сморщилось все, что могло сморщиться, и только пузо торчало впереди тела, лишний раз подчеркивая всю свою нелепость.

Анино тело не имело недостатков. Даже, думал Андрей, оно с годами улучшилось. Намека на живот не было, как и на растяжки, и целлюлит, который говорят присущ всем женским телам. Грудь бойко вздымалась под тонким одеялом, не оставляя никакого шанса Андрееву пузу. Все, что от си-

лы могло хоть как-то напоминать об Анином возрасте, заключалось в менее острых, чем у молодых особей, коленках, и более помятой жизнью шее. Но жена надевала черные колготки, и коленки как-то становились зрительно острее, а при шее все-таки отсутствовал второй подбородок, поэтому небольшие шероховатости не бросались в глаза.

Анна, правда, денно и ночью ходила по салонам красоты и спортивным клубам. Ее там чем-то все время натирали, куда-то что-то вкалывали, накладывали, заставляли черт знает что вытворять в тренажерном зале. После усердных занятий йогой Анна могла стоять на голове и задирать ноги на заоблачные высоты. Андрей чувствовал себя рядом с цветущей женой каким-то маленьким уродцем. Он понимал, что ему просто повезло много лет назад, когда она сильно напилась и таким образом случайно переспала с ним прямо во время одной из студенческих вечеринок. Еще больше ему повезло, что она после этого залетела и не стала делать аборт, а вышла за него замуж. Относительно спокойно они жили первые года два-три, а потом пошло-поехало. Анна постоянно с кем-то спала, но этот кто-то редко бывал собственным мужем.

В последнее время жена стала похожа на эстрадных див — она нарастила себе шикарные искусственные локоны, а ресницы отчего-то подозрительно увеличились в длине и густоте. Локоны были выкрашены в модный платиновый цвет, на теле лежал модный загар, регулярно привозимый с островов, расположенных в разных частях мирового океана. Солярий

Анна не признавала, ссылаясь на клаустрофобию.

– Лежать в этом гробике?! – презрительно кривила она губы в ответ на вопросы знакомых о природе загара. – Нет, блин, куда приятнее лежать на белоснежном песке на открытом пространстве возле, блин, морской воды. Да и клаустрофобия у меня.

Порой, Андрей, напившись виагры, начинал особенно настойчиво приставать к Анне на сон грядущий, она снисходительно улыбалась и позволяла ему начать, как она выражалась, «пыхтеть».

– Ну ладно, господи, блин, попыхти немного, – говорила Анна, скидывая одеяло.

Он плюхался сверху на прекрасное Анькино тело, действительно с непривычки начинал пыхтеть, а она в какой-то момент, прямо как в самбо там, или вольной борьбе, переворачивала его на спину, кладя в прямом смысле этого слова на лопатки, вскакивала сверху и доводила дело до логического конца. Потом Анна поворачивалась на другой бок и тут же засыпала. А он лежал еще некоторое время там же, где его и бросили, приходя в себя после таких треволнений. Врач говорил, что для сердца занятия сексом полезны, но Андрей, если честно, уверен в этом странном утверждении не был. Он шел в ванну, смывал с себя следы бурного времяпрепровождения и ложился спать. Решиться на новые подвиги он мог снова уже только через несколько недель.

В отличие от жены, у Андрея было всего одно дорогое увлечение – закрытый клуб. Не быть его членом он не мог. Среди людей его уровня это был тот минимум, которому следовало соответствовать. В клубе деловые люди проводили переговоры, совершали крупные сделки, пили-ели, уединялись с женщинами в отдельных кабинетах с диванами. Андрей с женщинами не уединялся, но в остальном принимал посильное участие. Особенно нравилось ему болеть за любимые футбольные и хоккейные команды. Во время крупных чемпионатов центральный зал клуба превращался в трибуну стадиона: народ орал, стучал кулачищами по столам и пил пиво. Андрей расслаблялся, забывал про жену и следил за шайбой или мячом в зависимости от вида спорта.

Ежегодно за пользование клубом с карточки списывалась кругленькая сумма. На эти денежки можно было съездить на один из Аниных островов, обожраться там лангустами, пройти все спа-процедуры, изведя годовой запас оберточных водорослей, и еще бы, наверное, осталось на сувениры родственникам и друзьям. Регулярно Андрею приходили сообщения об очередных клубных мероприятиях. Кто был владельцем клуба, Андрей не знал, но этот кто-то заботился о своих клиентах лучше, чем мать родная. Месяца за три до Нового года появлялись письма о том, как праздник можно в клубе встретить. Встретить можно было по-разному: в одном зале, например, по-восточному, в другом со стриптизом, в третьем в тихом семейном кругу и так далее, и так далее.

Можно было даже просто в отдельном кабинете под «Голубой Огонек».

Сообщалось загодя и обо всех спортивных соревнованиях. Клуб знал, за кого каждый его член болеет, и особенно тщательно отслеживал выступления любимых команд. Присылали меню: «А завтра у нас на обед устрицы № 36 из Эльзаса. Приходите. Мы Вас ждем». Андрей не знал, чем отличаются устрицы № 36 от тех, что подавались обычно, но раз уж его так ждут, шел. Устриц на обед явно было мало, зато, он заказывал борщ, потом шмоток мяса, а уж только затем ковырялся на сытой желудок в мокрых после лежания на льду раковинах. Иногда писали: «Из Франции прибыло вино «Шабли» разлива одна тысяча такого-то махрового года. Ждем на дегустацию!» Андрею было глубоко по барабану, какого вино года, потому что любил он пиво и водку, на худой конец виски, но иногда шел и на дегустацию. Наверное, когда его сын говорил «тусануться», он имел в виду именно такое проведение досуга.

Утром, как обычно, Анна спала сном младенца. Своим ключом открывала в семь утра дверь домработница, готовила Андрею завтрак, а когда он уходил, начинала уборку. В спальню домработница допускалась только после того, как просыпалась хозяйка. Пока Анна принимала душ и завтракала, полагалось закончить прибираться и тихонько выметаться из квартиры. Если Анна была не в духе, она вместо душа хо-

дила по всем комнатам в поисках недовыметенного и недодытертого, естественно такое находила и отводила душу, тыкая домработнице в выявленные недочеты. Домработница поэтому старалась убираться тщательно – приливы плохого настроения случались редко, но метко и совершенно бессистемно. Чреваты они были урезанием зарплаты, а также испорченным настроением – Анна орать умела отлично, кроме слова «блин» в таких ситуациях порой фигурировали и более крепкие ругательства, а также оскорбления личного характера, касавшиеся внешности и умственных способностей домработницы...

Похлопав по яйцу серебряной ложкой, Анна взяла мобильный и набрала номер Алекса.

Андрей подъехал к деловому центру и начал наматывать круги вверх к парковочному месту, расположенному на том же этаже, что и офис. В старых зданиях парковки по-прежнему находились под землей. В новых – вдоль всего дома, несколько мест на каждом этаже. Если работать по старинке, то машины ставить уже давно было бы некуда. Но основная масса сотрудников теперь в офисы не ездила. Сидели дома и работали удаленно. Да и количество машин резко сократилось – сказывались ограничения на въезд в большинство зон города. Андрею нововведения не нравились. Он еще помнил те времена, когда все его подчиненные сидели с девяти до шести (в лучшем случае, до шести) в конторе. Теперь посто-

янно в офисе сидел только сам Андрей, его помощница и заместитель. Круг людей, на которых можно было сорваться, резко сократился.

– Итак? – вместо приветствия задал Андрей вопрос помощнице, проходя в свой кабинет.

Елена засемила вслед за шефом, схватив со стола необходимые документы.

– Прислали. Андрей Алексеевич, прислали контракт, – она разложила бумаги перед шефом.

– Всё распечатала? Кофе? – Андрей кидал отрывочные фразы, но Елена давно привыкла к его речи и понимала с полуслова.

– Всё.

Андрей ненавидел читать с экрана компьютера. Он его даже в своем кабинете не имел. Принципиально. Назло новому времени, обрушившему на него сотни новых гаджетов и девайсов.

– Почту тоже распечатала и сейчас принесу. Кофе готов. Тоже сейчас будет, – Елена говорила и одновременно пятилась задом из кабинета, чтобы по кивку шефа броситься из него вон, дабы исполнить обещанное.

– Давай, давай! Шевелись! – Андрей вспомнил вчерашний инцидент с женой и с силой сжал жесткое резиновое кольцо, лежавшее у него на столе. Он поднял кулак к лицу. «Вот так бы и ее, взять и придушить», – подумал он, стараясь погасить клокочущую в душе ненависть. Но Андрей

знал, что сам никогда не сможет не то, что причинить Анне боль, но даже и гаркнуть на нее, как следует, не сможет...

Согласно вытянутому жребию, первым рассказывал свою историю именно он. Сначала шло тяжело, а потом он разговорился и уже не обращал на слушающих никакого внимания. Андрей внешне был неказист: низкого роста, с пивным животом, с лысиной на голове. Глаза какого-то мутно-голубого цвета. Остатки волос седые. На Андрее были обычные джинсы и свитер в полоску. Но все знали, что случайных людей среди них нет. Клуб, в котором заседало их сообщество, сам по себе являлся эксклюзивным. Только чтоб состоять его членом, уже отваливалось немало денег, а уж за членство в клубе внутри клуба заплачено было всеми совсем немилосердно. Некоторые даже знали, что Андрей является владельцем заводов по переработке цветных металлов. Деньжищ у него должно было быть не просто много, а очень много. Но в данной ситуации главным этот фактор не являлся.

Анна мерила шагами кухню. Делать было решительно нечего. Свидание с Алексом прошло отлично, но вечерняя скука от этого стала только сильнее. Взгляд упал на бесплатную рублевскую газету с разного рода объявлениями.

«Кулинарные курсы. Учим готовить с нуля...» Анна прочла текст до конца.

– Интересно, – сказала она вслух, окидывая взглядом ку-

хонное пространство, – путь к сердцу мужчины якобы лежит через желудок. Этот тезис я, блин, давно уже опровергла. Но, с другой стороны, два пути к сердцу не мешают. Много – не мало.

Второй

– Где ты была? Почему трубку не брала? – ни тебе «зд-расьте», ни тебе «до свидания», так он говорил с ней всегда, резко бросая фразы, от которых, казалось, все в трубке перемещалось и звенело.

– Я была в салоне, мне делали массаж, не могла ответить, – она говорила спокойным голосом, но тоже в ответ не здоровалась, не показывала ни радости, ни страха, как автомат, привыкший за несколько лет выдавать стандартные ответы.

– Какой массаж? – хихикнула, сидевшая рядом с Ирой одноклассница. – Чего ты несешь?

– Кто у тебя там? – голос у Игоря зазвучал еще жестче. – Короче, давай, гони домой, хватит шлаться, детьми займись!

– Да, я уже заканчиваю, – Ира пхнула улыбающуюся во весь рот подругу в бок и захлопнула телефон. – Ребята, давайте выпьем за наши дипломы, – она подняла свой бокал с красным вином, встряхнула рыжими кудрями и выпила все до дна.

В кафе группа праздновала защиту – шутка ли – они закончили МГУ! Дистанционное обучение, давно ставшее

обычным делом в Европе и Америке, в России не прижилось. Ради неформального общения студенты упорно ходили в аудитории, и старые университетские здания продолжали гордо возвышаться над окружавшим их новостроем.

Ире было тридцать пять, тем, кто сидел с ней за одним столом, в среднем по двадцать два. Разницу Ира чувствовала остро. Внешне они выглядели почти одинаково – Ира сохранила точеную фигурку, несмотря на то, что родила троих детей. Но внутри, внутри все было не так устроено, как у них. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать лет назад и у нее все было устроено также. Свобода! Свобода делать, что хочешь, лететь в никуда, радоваться жизни сию минуту, не смотреть на часы, не прислушиваться к мобильнику, не оглядываться по сторонам, не думать про вечер, который ждет впереди... Что сейчас? Вечное напряжение, полуулыбка, потухший взгляд, нервные движения руками.

– Кто, кто тебе звонил? Кому ты там лапшу на уши вешаешь? – одноклассница не отставала.

– Муж.

– Который объелся груш?

– Да, он самый, – Ира вздохнула и начала шарить в сумке в поисках жвачки. Зря она выпила так много: будет пахнуть. Пока она даже не осознала того, что одержала победу, первую победу за пятнадцать долгих лет, победу, которая далась ей тяжело. Можно сказать, она победила вопреки всему, вопреки тем обстоятельствам, которыми обростала ее жизнь,

как плесенью.

– Послала б ты его подальше, – подруга не унималась.

– Пошлю, обязательно пошлю, не волнуйся, – Ира нащупала жвачку и начала со всеми прощаться. Ей хотелось сказать им спасибо, обнять их, прижаться и не отпускать. Они помогали ей, так помогали все эти три года. Давали лекции, покрывали на семинарах, сдавали ее курсовые, когда она сама не могла подъехать в университет, прикрывали на практике летом. Конечно, так помогали не только Ире, взаимовыручка среди студентов – дело обычное. Но все-таки ее ситуация была нестандартной, и группа прониклась к женщине, имевшей троих детей и решившей закончить свое образование. Она чем-то их расположила к себе, вызвала сочувствие, жалость и желание помочь.

Вслед за Ирой на улицу вышел Изя, страшно умный еврейский мальчик со смешным именем, большим носом и маленьким ростом. Несмотря на, мягко говоря, легкое несоответствие внешних данных, Изя и Ира закрутили роман еще два года назад. Первый год знакомства Изя потратил на активные ухаживания. В течение второго и третьего знакомство перешло в активную фазу.

– Ну и что ты будешь теперь делать? – спросил Иру Изя. – Диплом получен. Что дальше?

– Не знаю, я еще вообще не осознала, что все-таки закончила МГУ, – Ира медленно брела по территории университета. – Буду думать.

– Думай, думай. Но помни о том, что я тебе сказал. Я на тебе готов жениться в любой момент и усыновить всех твоих детей, – Изя посмотрел на Иру снизу вверх.

– Помню, я помню. Но мой муж как узнает о наших планах, так тут же тебя в асфальт закатает, – Ира передернула плечами, будто реально представила себе весь процесс, – и меня вместе с тобой.

– Ну и тоже хорошо. Будем лежать всегда рядышком.

– Нет гарантии, что он нас закатает рядом друг с другом, – не улыбаясь, серьезно ответила Ира.

– Думаю, рядом. Вряд ли он будет бегать по всей Москве и закатывать нас в разных местах. Каток перегонять опять же надо с места на место. Нет, думаю, рядом, – заключил невозмутимый Изя.

– Ну если тебе от этого легче... – Ира вздохнула в сотый раз за день. – Я похожа на женщину, вышедшую из салона красоты?

– Ты всегда похожа на женщину из салона красоты, – Изя искренне восхищался Ирой и ответить по-другому, видимо, просто не смог бы.

– Сомневаюсь, – Ира покачала головой, продолжая идти к припаркованной на одной из аллей машине. – Хотела зайти туда после защиты, да теперь уже явно не успеваю. Придется ехать сразу домой.

– Чего ему надо-то? – спросил, как бы невзначай, Изя. – Чего звонил Кощей твой Бессмертный?

– Да кто его знает. Сказал: «Давай, гони домой», – Ира подняла с земли веточку и помахала ею в воздухе. – Жаль это не волшебная палочка.

В машине Ира посмотрела на себя в зеркало, подкрасилась и, вздохнув в очередной раз, тронулась с места. Сзади оставались здания университета, махавший рукой Изя, никуда не торопившиеся студенты, свалившие летнюю сессию.

В МГУ Ира решила поступать вопреки здравому смыслу. Блата для того, чтобы поступить в вуз бесплатно, у ее родителей не было, денег, чтобы оплачивать репетиторов и обучение тоже. Ирине оставалось надеяться только на свои мозги.

– Ирочка, – говорила ей в год окончания школы мама, – лучше поступай наверняка. Юридические факультеты сейчас есть и в менее престижных вузах. В МГУ, да еще на юрфак, такие как ты не поступают. По-крайней мере, на бюджетное место.

Но Ира влюбилась в МГУ с первого взгляда: попав туда на день открытых дверей, она себя в другом месте уже не представляла. Это было похоже на настоящую любовь к противоположному полу: чувство ее накрыло с головой, университет казался самым красивым, самым достойным местом для дальнейшей учебы. Ира даже ревновала к университету других людей. Все, кто хотел туда поступать, вызывали у нее стойкую неприязнь: Ира считала их недостойными МГУ, а

те, кто там учился, вызывали уважение, смешанное с желанием доказать, что и она не хуже.

Она с упоением посещала подготовительные курсы, наслаждаясь каждой минутой, проведенной в обожаемых стенах. Дома Ира продолжала учить, зубрить, запоминать тонны материала. Ириной целью была золотая медаль в школе. Шансы поступить в институт мечты повышались при этом многократно – все-таки в идеале она сдавала бы всего один вступительный экзамен.

В итоге Ира не поступила, а ворвалась в МГУ, как мощный ураган, сметая всех конкурентов на своем пути. Мало того, что она оставила далеко позади своих одноклассников в борьбе за медаль, честно получив «отлично» по всем предметам, включая ненавистную физкультуру и литературу, Ира сдала единственный вступительный экзамен на «пять», просто улетев в стратосферу. Она не только ответила на вопросы билета, но и целых полчаса отвечала на дополнительные вопросы экзаменаторов, в какой-то момент забывших про простое и понятное желание завалить медалистку, и начавших задавать вопросы из чисто спортивного интереса. Ира не оставила им шансов: она выдавала ответы, не задумываясь, легко и непринужденно вспоминая нужные учебники, номера страниц и расположение соответствующих абзацев. К концу экзамена она была готова отвечать и дальше. Но комиссия вспотела от такого напряжения, а в коридоре попадали в обморок ожидающие своей очереди абитуриенты, имев-

шие возможность за то время, что спрашивали Иру, представить себе все те ужасы, которые могли происходить за дверью.

Списки поступивших вывесили через пару недель. Ира увидела свою фамилию на экране компьютера и откинулась в изнеможении на спинку стула. В этот момент она была похожа на марафонца, занявшего на Олимпиаде первое место. По лицу текли слезы, а сдвинуться с места не осталось никаких сил.

Дома по такому случаю накрыли стол. Отец и мать не пожалели своих сбережений, затарившись в дорогом супермаркете, в который до этого они ходили только поглазеть, как в музей. Они пригласили кучу родственников, которым показывалась и золотая медаль, и распечатанный приказ о зачислении в МГУ. Родители, проработавшие более десяти лет после окончания института экономистами, ценили высшее образование, несмотря на казусы и выкрутасы кризисных и посткризисных времен, повикидывавших их с насиженных мест. И так всегда много пьющий папа не работал и пил еще больше, а мама торговала газетами в ларьке «Печать» неподалеку от дома. Впервые за несколько лет Ира не просто почувствовала себя победителем, впервые дома царил атмосфера праздника. Ире казалось тогда, что-то наконец сдвинулось в ее жизни с мертвой точки, вектор переменялся, жизнь стремительно пошла в другом направлении. Не будучи забитой и зажатой девушкой, она тем не менее всегда

чувствовала себя где-то на обочине, не имея толком никаких друзей, увлечений и влюбленностей. Единственной ее страстью стал МГУ. И чувства оказались взаимными...

– Ирка, ты идешь на дискотеку? – теребила Иру девочка из ее группы. – Ну же, отвлекись от своих конспектов!

– Нет, наверное, – Ира на дискотеках была от силы пару раз в школе, простояла в углу все мероприятие, и поняла, что более подобное ее не интересует.

– Ну как же, – ныла подруга, – это же день первокурсника! Все идут. Познакоимся поближе, повеселимся.

Ира сдалась. Уговорами занялась девочка из далекого города Муромска, искавшая себе в Москве друга. Лена отличалась упорством в достижении поставленной цели, поэтому на дискотеку они пошли вместе с Ирой. С того вечера подруги уже не разлучались. Лена стала лучше учиться, а Ира чаще развлекаться. Денег в Ириной семье не становилось больше, но Лена настаивала на оплате счетов в кафе и барах, отвозила Иру на такси с ночных дискотек домой. Ира, ругая себя в душе за мягкотелость, соглашалась с таким положением дел.

Ленин папа был в Муромске большим начальником. Лена училась за деньги. За поступление на бюджет ей обещали в подарок машину. За поступление на платное ей просто ежемесячно высылались огромные суммы на жизнь. Наверное, если бы не вечеринки, кафе, рестораны, такси и дорогие шмотки, было бы не столь уж трудно накопить с помощью

этих денег и на машину. «Но тогда ж не выпьешь, – хохотала Лена, объясняя свое нежелание копить на автомобиль, – да и жить надо сегодня. А копить это значит не жить!» Ира с подобной философией в душе не соглашалась. Но ей-то копить было нечего, поэтому аргументов катастрофически не хватало. Да и не будешь же спорить с человеком, который то тут, то там за тебя платит.

Замуж она будет выходить полностью подготовленная к мужнину лозунгу «Кто платит, тот и заказывает музыку». И только несколько лет спустя Ира поймет: первые ошибки она начала совершать именно тогда, на первом курсе, молча принимая Ленины «подарки».

– Игорь Викторович вас несколько раз спрашивал, – сухо доложила няня, когда Ирина подъехала к дому. Дети бежали по газону, няня сидела на скамейке, положив ногу на ногу, и читала очередной женский роман. Она периодически поднимала голову, чтобы посмотреть на подопечных, удостоверясь, что они по-прежнему бегают, не упали, не дерутся, и продолжала читать. Когда Ира въехала через открытые охранником ворота на территорию огромного участка, няня вновь оторвалась от книги, чтобы, не поздоровавшись, передать хозяйке, что ей звонил муж.

Огромный дом смотрел на Ирину также недоброжелательно, как и няня. Оба были результатом выбора мужа. Дом Игорь купил в готовом для въезда виде сразу после свадьбы.

Няню нанял относительно недавно, предварительно уволив одну за другой несколько предыдущих. То, что для детей не очень полезно было находиться под присмотром постоянно меняющихся женщин, мужа не волновало. «Не нравится, – говорил он Ирине, – останешься с детьми одна. Пусть мать тебе помогает». Ира не могла остаться одна с детьми – она уже восстановилась в университете и пыталась тайно от мужа его закончить. Приходилось ездить из поселка на Рублевке на другой конец Москвы. Она занималась почти на две трети самостоятельно, потому что проводить вне дома как минимум полдня каждый день кроме воскресенья, было бы нереально, даже имея десять нянь. И мама тут вопроса бы не решила. Она не справлялась с тремя детьми категорически. Хотя нельзя было сказать, что няни это делали намного лучше. Но они по крайней мере не хватались постоянно за сердце, вызывая Иру домой буквально через час после ее отъезда со словами «Я звоню в скорую».

Последняя няня, разговаривая с Ирой, точно копировала интонации Игоря, бывая порой груба до неприличия. Но мужа она на данный момент полностью устраивала. Няня докладывала ему обо всех передвижениях хозяйки: во сколько уехала, во сколько приехала, что делала дома. До нее и другие поступали точно также. Только одни старались сей факт перед Ириной не афишировать, а другие не пытались ничего скрывать, четко понимая, кто в доме хозяин.

Дома Ира давно занималась только детьми и хозяйствен-

ными делами. Тут придраться было не к чему. Конечно, можно было почитать нужную для учебы литературу: благо подходить к хозяйке с целью выведать, что это она там читает, никому в голову не приходило. Видимо, Игоря времяпрепровождение в виде чтения книжки тоже не напрягало. За несколько лет Ира составила прекрасную библиотеку на втором этаже дома. С пола до потолка тянулись ряды книг, среди которых стояли и те, что были необходимы в вузе. На столе в библиотеке Ира всегда держала две-три книги, не имевших отношения к юриспруденции. Последние читались и ставились обратно на полку. Компьютером Ира пользовалась редко – проследить за тем, что она там смотрит было гораздо проще, чем просматривать стоявшие на полках книги.

Ира отдала ключи от машины охраннику и пошла на газон к игравшим детям. Снова зазвонил мобильный.

– Ну ты дома, наконец? – голос мужа звучал привычно грубо.

– Да, приехала.

– Ты сегодня что-то загуляла. Уволю няньку к черту – сиди дома, детей воспитывай! – из трубки слышались привычные угрозы.

– Я попала в пробки, – Ира тоже не отличалась разнообразием в своих ответах. У нее наготове было три-четыре стандартных ответа на стандартные вопросы. Их она использовала по очереди. Сегодня наступила очередь пробок, – и на пути туда, и на пути обратно Рублевку перекрывали, и Куту-

зовский тоже, – Кутузовский проспект был добавлен Ирой для верности: сегодня она действительно приехала позже, чем обычно.

– Все, что тебе надо, есть на самой Рублевке, – эту фразу Игорь повторял с завидным постоянством в ответ на вариант «пробки». На этот раз продолжения диалога не последовало: муж положил трубку. Для него это было обычным делом – взять вот так просто и положить трубку. «Зачем звонил?» – подумала по привычке Ира.

– Вы можете идти, – обратилась она к продолжавшей якобы читать, а на самом деле подслушавшей весь Ирин разговор няне.

Раньше няни жили в маленькой комнате при детской, и контроль над Ирой начинался с раннего утра, после отъезда мужа на работу, и до его возвращения. То есть, фактически круглосуточно. Наверное, она сошла бы в итоге с ума и не закончила бы никакого университета, не успев в нем даже восстановиться. Но случилось два события, после которых няни стали приходящими.

Дети у Иры родились один за другим. Через год после свадьбы родилась дочка. Игорь был зол страшно: ему требовался сын. В связи с этим он настойчиво требовал от жены второго ребенка. Дочку, правда, баловал дорожными игрушками, а позже и крохотными платьицами из бутиков. Но и в лицо девочке, и друзьям он без усталости повторял: «Пусть рас-

тет дурой. Женщина должна быть глупой и красивой. Вот один недостаток оказался у моей жены – Бог мозгов слишком много дал», – в этом месте Игорь начинал громко смеяться, но глаза его оставались серьезными.

Жившие с ними под одной крышей няни, уже тогда начавшие сменять друг друга со слишком большой скоростью, должны были обеспечить Ире свободные для зачатия сына ночи. Сын родился через два года после дочки. Ира надеялась вздохнуть свободнее: муж к тому моменту стал ей неприятен до тошноты, которая в самом прямом смысле подкатывала к горлу каждый раз, когда она его видела рядом. Да и врачи после вторых родов не советовали больше рисковать: на нервной почве у Иры организм начал давать серьезные сбои.

Но вскоре Игорь загорелся идеей получить второго наследника. Его первая жена уехала в Америку и увезла с собой их общего сына. Увезла тайно, не поставив Игоря в известность. Он пытался найти их по разным каналам, но все напрасно. Может быть, они уехали из Штатов, а, может, Америка слишком большая страна, чтобы найти там двух бывших российских граждан. После тщетных поисков Ирине было объявлено: «Сделаем еще сына, им назло. Восстановим баланс». Наплевав на предупреждения врачей, он рьяно взялся за дело. В двадцать шесть Ира, чуть не померев, родила вторую девочку. Врачи сильно платного и очень элитного центра спасли обеих, но на этот раз вердикт был окончательный:

больше Ира рожать не сможет. Игорь сказал: «А больше и не надо» и отселил Иру в отдельную спальню.

Сначала Ира вздохнула с облегчением, но потом произошло событие номер два. Очередная няня оказалась женщиной сердобольной и, несмотря на регулярные доклады мужу об Ириных занятиях, старалась Ире не хамить, и даже готовила ей вкуснейшие сырники на завтрак в знак понимания и сочувствия. Однажды, добрая няня отозвала Иру в сторонку и огорошила:

– Ирочка, вы мне очень нравитесь, но мне надо сказать вам кое-что неприятное. Ваш муж вам изменяет в вашем же доме и при вас.

– Да? – только и смогла проблеять Ира в ответ.

– Да, да. Она приходит к нему в спальню через заднюю дверь и только утром уходит. И так раза два-три в неделю!

Ире в то время было все равно, чем там занимается ее муж в соседней спальне. Она проглотила информацию молча. Никак не отреагировав на нее вообще. Ее даже не затошнило, что обычно сопровождало любое внутреннее переживание последнего времени. Но как-то ночью Ире не спалось. Она сначала почитала в библиотеке, а потом пошла на кухню попить. Когда она проходила мимо спальни мужа, дверь распахнулась и оттуда, хихикая, выскочила давняя подруга Лена, фактически единственная подруга, которая у нее была. Ира оторопело стояла и смотрела на нее и на полуголового мужа. Первым орать стал Игорь.

– Ты следишь за мной! – кричал он. – Тебе все равно не получить развод! Тебе не получить моих денег! Я буду делать, что захочу, а ты будешь делать только то, что тебе скажут!

Самое ужасное, что Лена стояла, улыбаясь в дверях, даже не пытаясь оправдаться или на худой конец уйти. В этот момент вышла в коридор няня. Она попросила не кричать так громко, чтобы не проснулись дети. Игорь резко замолчал и повел Лену вниз к выходу. Но с той ночи няни спать в доме перестали раз и навсегда. А Лена стала приходить к ним в дом открыто, через главную дверь.

– Дети вырастут, я тебя выкину на улицу, – сказал вскоре после случившегося Игорь Ире, – и женюсь на молоденькой блондинистой дуре.

– А как же Лена? – Ире казалось, перед ее глазами разыгрывают сценку из дурной пьесы.

– Что Лена? Пока пусть ходит. А там видно будет.

Конечно, вскоре Игорь поменял надоевшую Лену на другую любовницу. Он даже рассказал об этом Ире:

– Стала приставать сильно, чтоб я с тобой развелся и на ней женился. Я сам буду выбирать, когда с тобой разводиться, и на ком жениться потом! Да и денег из меня выкачивает много. Надо кого-нибудь подешевле найти.

Ира все воспринимала как должное. Она покивала в ответ на этот рассказ и приготовилась ждать следующую любовницу. Но Игорю, видимо, надоело таскать домой девиц – кураж

пропал. Да и дети подрастали и могли увидеть или услышать то, что им видеть и слышать не следовало. Он начал снимать квартиры для свиданий. Так одновременно из дома пропали и ночные, круглосуточно следившие за Ирой няни, и любовницы Игоря. Постепенно Ира стала выходить из ступора. Тошнота, правда, осталась, а с ней и неизменная спутница последних лет, депрессия. У Иры не было аппетита, не было причин радоваться. Но она решила восстановиться в университете, чего бы ей это не стоило. И как в выпускном классе, Ирина с железобетонной решимостью взялась за дело. Выход из ступора заключался именно в этом: в жизни появилась цель. Больше ничего положительного, к сожалению, на горизонте не наблюдалось.

Няня ушла. Когда придет домой муж, Ира не знала. Она поиграла немного с детьми во дворе и повела их в дом, пить на ночь молоко с печеньем. Они все вчетвером сели за круглый стол в столовой, совмещенной с кухней, и начали тихонько прихлебывать из больших кружек. Несмотря на то, что с детьми Игорь крут не был и даже, можно сказать, старался к ним проявлять нежность, они его побаивались. Поэтому и все три ребенка, и Ира привыкли громко не разговаривать и уж тем более не смеяться и не хулиганить. Детей, конечно, иногда заносило. Но обычно и без отца они сидели за столом тихо, хрустя печенюшками, которые так вкусно пекли за немалые деньги в пекарне неподалеку. Печенье и

хлеб привозили оттуда каждый день. Все, что могла доволь- но спокойно съесть Ира дома, это свежую выпечку по ве- черам. В это время почти никогда Игоря дома не бывало. С работы он так рано не приезжал, а в выходные уже уезжал развлекаться.

Отправив детей спать, Ира пошла навестить родителей в небольшой дом, отстроенный специально для них в дальнем конце участка. Говорить с ними было не о чем. Но Ира шла по привычке, просто чтобы не сидеть в большом коттедже одной.

– Ну как дела, Ирочка? Что нового? – мама встретила ее обычными вопросами, на которые не ждала ответа. Отец си- дел в большой комнате с огромной чашкой чая и смотрел телевизор.

С тех пор, как он вынужден был бросить пить, отец, с одной стороны, перестал буянить, а с другой, совсем пере- стал общаться с окружающими. «Овощ», называл его Игорь. «Пойди, скажи, пусть этот твой овощ подметет дорожки. Вон, все листвой засыпало», – говорил он Ире время от вре- мени, меняя указания в зависимости от времени года. Отец неудовольствия не высказывал, а шел и выполнял молча за- дание, после чего снова наливал себе чай и садился перед телеком.

Ира старалась напрямую с отцом не общаться. Она в веж- ливой форме передавала просьбу матери, а та доносила ее до конечной инстанции.

– Нового ничего. Все в порядке, – автоматически ответила Ира.

– Как детишки? – мама этот вопрос задавала тоже каждый день, хотя жила от них в нескольких метрах, за одним общим забором.

– Все хорошо, – Ира не удивлялась вопросу. Ей иногда казалось, что ее диалог с мамой напоминает те диалоги, которые им включали на уроках английского: два посторонних человека разыгрывают одни и те же сценки, вежливо заверяя друг друга, что у них все в порядке. Ира даже помнила оттуда какие-то фразы, въевшиеся намертво в голову от бесконечного прокручивания на уроках туда-сюда:

– Привет. Как дела?

– Все хорошо. Как у тебя?

– Отлично. Как жена?

– Хорошо. Как дети?

– Превосходно. Передавай привет жене.

– Спасибо. А ты своей. До встречи.

– Спасибо. До встречи.

Ира присела к камину и тоже уставилась в телевизор.

Когда начались проблемы, мама Иру не поддержала. Во-первых, к тому времени зять уже полностью обеспечивал Ириных родителей. После стольких лет полунищенского существования, они, наконец, вздохнули спокойно. Во-вторых, они переехали в загородный дом к дочери, сдав городскую

квартиру. Ира понимала, что муж использует ее родителей в качестве бесплатной рабочей силы: они стерегли дом во время отсутствия хозяев, подметали дорожки, убирались в доме. Но родители либо этого не понимали, либо понимать не хотели, считая предложенные им условия далеко не самыми худшими.

Главное же, что делало счастливой Ирину мать, было то, что отец перестал пить. Сначала его начало подводить здоровье. Да так, что он пару раз попадал в реанимацию, где его откачивали, беря клятву бросить пить. Отец клялся и изо всех сил старался выполнять обещание. В итоге помог выполнить обещание все тот же любимый зять. «Кончай пить, Леонидыч, – прорычал он как-то в очередной раз напившемуся тестю, – кончай пить, а не то выкину вас отсюда вместе с дочкой и внучатами». Тесть поверил. Игорю верили все. Его внешний вид не оставлял собеседнику никаких иллюзий.

Так вот, ведя счастливый и совершенно овощной образ жизни, Ирины родители существовали в своем небольшом доме по соседству с дочкиной семьей. Когда вскоре после рождения первого ребенка Ира попыталась поговорить с мамой о разводе, та даже и слушать Иру не стала.

– Муж у тебя непьющий, – тихо бормотала мама, – а что еще нужно-то? Деньги зарабатывает, тебя обеспечивает. Ты вот не работаешь, живешь в прекрасном доме. Не гневи Бога, – на этом беседу мама заканчивала. Все дальнейшие попытки поделиться с ней своими проблемами заканчивались

такими же словами. Однажды мама спросила:

– Он тебя не бьет?

– Нет, – честно ответила Ира, про себя добавив: «Пока».

– Ну вот, видишь. Все в порядке, – мама удовлетворенно покивала.

Когда Ира решила восстановиться в Университете, у нее не осталось никого, с кем можно было бы посоветоваться, и от кого можно было бы ждать помощи и поддержки. Подруга исчезла из Ириной жизни в тот момент, когда она ее застукала в постели с мужем, мама явно была бы против подобной идеи. И всю операцию Ира как-то умудрилась проверить сама...

Сейчас на душе стало пусто. Сидя у камина перед бормочущим телевизором, Ира не чувствовала ничего похожего на то, что происходило с ней в день поступления в МГУ много лет назад. Да она опять пришла первой, но ее почему-то не встречают с цветами болельщики, и никто не кричит «Ура». Впрочем, болельщиков-то и не существовало. Вокруг – пустота. «Зачем я все это делала?» – задала сама себе вопрос Ира. Она вспомнила Изю, единственного человека, который слушал ее, поддерживал и даже порой давал дельные советы. «Я это делала для того, чтобы уйти от Игоря и самой обеспечивать себя и детей», – продолжила внутренний диалог Ирина, попытавшись ответить на заданный вопрос.

Но проще, наверное, было бы действительно победить на Олимпийских играх. Все Изины заверения в том, что он по-

может Ире, женится на ней, казались ей теперь несерьезными. Она вспомнила, как первая жена Игоря скрылась от него аж в Америке. Пока она жила в Москве, он не давал ей никаких шансов хоть как-то утратить свою жизнь. Игорь постоянно угрожал бывшей жене забрать сына, если она посмеет снова выйти замуж или будет делать еще что-то, не укладывавшееся в его представления о ее «свободной» жизни.

Телевизор продолжал что-то вещать, а Ира вспоминала, как крупный, высокий мужчина, сидевший за соседним столиком дорогого ресторана, в котором Ира отмечала свое двадцатилетие, отправил ей через официанта огромный букет алых роз. Потом последовала бутылка шампанского на их столик, потом мужчина подошел сам и попросил Ирин телефон. Ира телефон дала скорее из вежливости: здоровый, почти лысый поклонник явно был намного старше ее и единственное, что Ире в нем хоть как-то понравилось, это большие карие глаза.

Позже эти же глаза Ире нравиться перестали совсем, жесткий взгляд пугал, и Ира старалась его избегать, как только могла. Тогда в ресторане, несмотря на явную зависть подруг – ну как же, богатый поклонник, это классно – Ира не собиралась с ним начинать никаких серьезных отношений. Но от Игоря так просто отделаться было нельзя. Он решил, что молодая, симпатичная девочка из малообеспеченной семьи будет ему хорошей женой. Потом Ира поняла, что она была полной противоположностью жене первой, чем и привлекла

будущего мужа. Он завалил Иру цветами, водил ее по ресторанам, дарил дорогие подарки.

Через два месяца Игорь сделал Ире предложение, заявившись к ней домой с цветами для мамы и с огромным пакетом, в котором лежало настоящее французское шампанское, красная икра и еще какие-то деликатесы. Родители тут же благословили дочь на выгодный брак, а сама Ира промолчала, что все приняли за знак согласия.

Уже в первые дни семейной жизни Ира поняла – она попала в ловушку. Игорь заставил ее взять в институте академический отпуск сразу после того, как она забеременела. Из этого отпуска Ира вышла почти через десять лет, и то тайно. Теперь у нее был диплом и первая победа, одержанная над мужем за все пятнадцать лет брака. Ира встала из кресла и пошла к выходу.

– Спокойной ночи, – сказала она родителям, не оборачиваясь.

– Спокойной ночи, Ириш, – ответила мама. Папа, как обычно, промолчал.

В свои сорок девять лет Игорь выглядел очень даже неплохо. К рано появившейся лысине он давно привык, а все остальное было в порядке. Подтянутую фигуру бывшего военного он поддерживал в спортзале, по мужской части ни в какой виагре организм не нуждался, что Игорь регулярно доказывал в постели с очередной молодой любовницей. Состо-

вание остальных органов тоже не давало поводов для беспокойства. Развалившись на заднем сиденье черного Мерседеса, Игорь нетерпеливо постукивал кулаком по ноге. Он ехал в клуб и из-за пробки начинал немного опаздывать.

– Давай, объезжай ее как-нибудь, – скомандовал он водителю, – давно приехать надо было.

– Сейчас, Игорь Петрович, доедем до вон того перекрестка, и я съеду с Садового, – водитель начал уходить с крайней левой полосы направо.

– На Садовое и соваться не надо, – Игорь ворчал на водителя по привычке, давно заведенной и от этого не напрягавшей ни того, ни другого, – сразу надо искать объездные пути.

– Сказала, нет пробок, я ей, дурак, поверил, – водитель свалил всю вину на навигатор, вещавший приятным женским голосом.

Игорь промолчал, начав думать о работе. А подумать ему было о чем. Игорь Петрович владел целой сетью охранных агентств. Охраняли они не какой-нибудь паршивенький полуподвальный ювелирный, охраняли они крупнейшие банки, офисные центры и частные дома. Когда ему было около тридцати, Игорь ушел из армии в никуда. В этом «нигде» были только знакомые военные, которые в большинстве своем также, как и он, пытались найти свое место под солнцем.

Тогда он соглашался на все: выбивал деньги у должников, ходил с «братками» на стрелки, охранял каких-то темных личностей. Некоторые из них позже стали появляться на

страницах газет в качестве членов Думы или в качестве представителей русских олигархов, отдохавших в Куршавеле или поселившихся в Лондоне. Маленькая охранный фирма, зарегистрированная в те времена, превратилась со временем в огромную сеть, накрывавшую почти всю Москву. Точнее сказать, накрывавшую все крупные предприятия Москвы. По мелочи Игорь не разбрасывался.

В последние годы к охранному бизнесу прибавилось детективное агентство. Богатые люди любили последить за конкурентами, друзьями, женами и любовницами. Бизнес не приносил большого дохода, но был достаточно стабилен и, главное, давал массу козырей в руки его владельца. Игорь никогда не уничтожал видео и аудио записи, копии документов и расписок. Рано или поздно с их помощью можно было делать большие дела, или помочь кому-нибудь делать. На сей счет никаких моральных принципов у Игоря Петровича не существовало.

Один раз он использовал свои возможности в личных целях, около трех лет назад. Заподозрив неладное, он начал следить за собственной женой. Но оказалось, что его дурища просто пошла учиться в МГУ. Сначала он думал устроить ей скандал, но потом подумал и решил делать вид, что ничего не знает. От этого ему становилось еще смешнее. Игорь звонил Ире, зная, что ни в какие салоны красоты она на самом деле не ездит, и слушал ее детский лепет про обертывания, массажи, пробки на дорогах и прочий бред.

Впрочем, один факт от него ускользнул. Ускользнул еврейский юноша Изя. Ускользнул, так как Игорь, поняв, куда регулярно ездит его жена, быстро слежку прекратил, дабы зря не тратить производственные ресурсы...

Машины медленно двигались в сторону светофора, несмотря на зажегшийся красный свет. На перемигивания трех круглых лампочек никто не обращал внимания: ехали, кто как может. Введенные на въезд в центр ограничения, не помогали избавиться от огромного потока машин в шесть-семь вечера. Игорь подозревал, что большая половина ехавших, как и он, пропуск попросту купила.

К клубу Игорь в итоге подъехал, чуть опоздав. Но поужинать можно было и позже. Главное, он успел на встречу клуба внутри клуба. О чем он говорил там своим товарищам? Игорь и сам удивлялся тому, что являлось темой их разговоров. Он рассказывал им о своей жене. Как, впрочем, и все остальные. Каждый раз, когда они встречались, кто-то один рассказывал свою историю. Остальные молча кивали головами и лишь изредка задавали вопросы или давали осторожные советы. Встречи назначались редко, и сообщения о них присылались накануне, а то и в тот же день.

Игорь собирался рассказывать об Ире. «Баба я что ли какая-то?» – сначала раздраженно думал он. Но потом, начав говорить о своей все молча терпящей жене, которую когда-то давно любил, и которая так теперь его раздражала своей правильностью и покорностью, он никак не мог остановиться.

Словно прорвало какую-то невидимую плотину в его, казалось, давно застывшей и омертвевшей душе...

На столике у входа лежала газета с объявлениями. Ира взяла ее и на первой же странице увидела объявление о наборе на кулинарные курсы. «Пойти, что ли пока поучиться готовить, – мелькнуло в голове. – Уйду от Игоря, надо будет кормить детей. А не исключено, что и Изю, – от этой мысли на душе стало теплее. – Хотя на курсах, скорее всего, учат всяким изыскам. Чему могут учить на Рублевке? Не яичницу же жарить». Ира внимательнее посмотрела на текст объявления: «... с нуля. Если вы не умеете жарить яичницу, мы – то, что вам нужно!» Ира улыбнулась...

Третий

Как она попала в эту рублевскую компанию? Как это среди них оказался обычный преподаватель английского языка? Оля, честно говоря, до сих пор не очень хорошо понимала. Чистила себе машину от снега. А снег тогда выпал ого-го! И вот чистит Оля, чистит, как вдруг сзади останавливается огромный черный джип. Оля замечает, что джип загораживает ей выезд и поэтому отслеживает боковым зрением перемещения водителя, готовая в любой момент сказать: «Эгей, а машину-то отодвинь чуть назад, иначе я не выеду!»

Водитель с места не двигается, выходит с заднего сиде-

нья пассажир – мужчина невысокого роста в черной кожаной куртке, с переднего здоровый громила, похожий на охранника и сзади еще один такой же крупный парень. Мужчина идет мимо Олиной машины, один громила обходит ее с другой стороны, второй замыкает шествие, следуя за хозяином.

– Если не уедешь, красавица, возьму телефончик! – неожиданно обратился к Оле мужчина, практически не затормозив.

Оля пожалала плечами: «Тоже мне, облагодетельствовал», но, тем не менее, проводила мужчину взглядом до входа в торговый центр. Он бодро прошествовал внутрь в окружении охраны и скрылся из поля зрения Оли. Она продолжила работать щеткой. Конечно, если бы не то, что пришлось еще и соскребать со стекол наледь, Оля бы уехала раньше. Но те пять-семь минут оказались решающими. Мужчина вышел обратно на улицу, остановился около Оли и протянул визитку:

– На вот, звякни, как будет настроение в ресторан сходить.

– Я мужчинам первая не звоню, – Оля доскребала последний участок на стекле заднего вида, которое, впрочем, от разогревшейся машины и так оттаяло практически целиком, – так что можете мне свой телефон не давать. Я вам звонить не буду.

– Молодец, – неожиданно одобрил мужчина, – тогда давай свой.

Оля решила, что от нее не убудет дать телефон. Да и силь-

но сомневалась она в том, что крутой кавалер не забудет о ней через минуту после того, как отъедет.

Через минуту ее мобильный зазвонил.

– Да, кстати, меня зовут Олег. Приглашаю сегодня на ужин в «Иванове-Водкине», – Оля слышала про этот ресторан: кто-то рассказывал, что он ужасающе дорогой. А с другой стороны, не в Макдоналдс же будет приглашать крутой мужчина из джипа с охраной?

– Сегодня не могу, – честно ответила Оля, – сегодня вечером я работаю.

– Приличные девушки вечерами не работают, – засмеялся Олег, – приличные девушки вечерами ужинают в ресторане.

– Вы ошибаетесь, – Оля начала уже жалеть, что дала телефон. – Ужинают в ресторане как раз неприличные. А я преподаю людям английский язык на вечерних курсах, – Оля повесила трубку.

Олег перезвонил и извинился, предложив перенести свидание на завтра. Оля согласилась. Так как-то, короче говоря, все и пошло по им прописанному сценарию. Олег напористо начал ухаживать, Оля периодически не очень сильно сопротивлялась, Олег шел на мелкие уступки, но в итоге события развивались так, как хотел он.

Подруги завидовали: Олю приглашали в рестораны, дарили ей шубы и драгоценности, а в конце-концов, еще и пригласили отдохнуть на Сейшельские острова. Оля пыталась противостоять всему этому потоку богатств, посыпавшихся

к ее ногам, но Олегу было противостоять бесполезно. Наверное, также бесполезно, как например, Ниагарскому водопаду. Тем более, что ему дружно помогали мама и подружки: они все считали, что сам Господь Бог явился на землю с Олимпа в виде Олега и обратил свое внимание на простую девушку Олю. Про его недостатки и слушать никто не желал, убеждая Олю, что недостатков у богов быть не может по определению. Самым убийственным аргументом в пользу Олега почему-то являлся Олин престарелый, по мнению окружающих, возраст.

– Тебе уже двадцать восемь, – твердили все подряд, – а тут не просто жених, а бо-га-тый жених. Такими не бросаются, о таких мечтают!

Почему-то Оля никогда не мечтала о таких. Она не мечтала ни о депутатах Госдумы, ни об олигархах. Она не хотела жить в особняке на Рублевке, не хотела жить в Лондоне, не хотела зимой ездить на горных лыжах в одной из крохотных швейцарских или французских деревень. Она с детства жила в центре Москвы, в старом генеральском доме с высоченными потолками, была патриоткой, в свое время не выйдя замуж за симпатичного американского парня именно из-за полного отсутствия желания переезжать куда-либо из России. Ну а к горным лыжам у Оли антагонизм объяснялся простой аллергией на лыжи вообще, какие бы то ни было, развившейся еще со времен школьно-институтских уроков физкультуры.

По большому счету, Олю и норковыми шубами привлечь было сложно. Она зарабатывала, конечно, несравнимо меньше, чем Олег, но купить себе шубу вполне могла. Да и мода на натуральный мех упорно сходила на нет. Как она очутилась на Рублевке? В компании крашенных блондинок с надутыми губами, наращенными волосами, тощими фигурами, на шпильках и с сумками за несколько тысяч долларов? Видимо, она там очутилась благодаря своему строптивому характеру: Олег влюбился в девушку ровно на десять лет его младше, которая ему все время перечила, все время с ним не соглашалась, спорила, петушилась, отказывалась ехать с ним отдыхать на острова, потому что у нее, видите ли, учебный год еще не закончился. Которая в ресторане, вместо того, чтобы есть и пить доказывала свою точку зрения на мировое устройство, а вместо концертного зала в Барвихе тащила Олега в какой-то замусленный театр в полуподвальном помещении, где и сесть-то толком некуда.

Они поженились после Сейшельских островов. Олегу удалось туда утащить Олю через пять месяцев после знакомства – в начале июня. Конечно, занятия у Оли и тогда еще не закончились, но она решила уступить вечно зудящему на эту тему Олегу и перенесла несколько уроков на другую неделю. На Сейшелах Олег сделал ей предложение, подарив кольцо с невероятным бриллиантом черного цвета. Оля посмотрела на кольцо, на Олега, на океан, плескавшийся прямо у ресторана, в котором они ужинали, и согласилась. Мама была ра-

да, подружки типа тоже были рады, но одновременно завидовали немилосердно, что обычно является своеобразным стимулом для любой женщины.

Свадьбу играли в одном из лучших ресторанов города. В качестве развлечения пел известный певец, а вел свадьбу известный телеведущий. На Оле было платье из бутика, которое стоило столько, сколько она заработала бы как раз к пенсии. На голове сияла диадема с бриллиантами – не оригинально, но что поделаешь – Олег мыслил в этом плане довольно узко. Гостей набралось человек триста, а может и больше – Ольга точно не считала. Сначала она просматривала приносимые Олегом списки, потом плюнула на это дело и попросила больше ее этим вопросом не донимать. Тем более, что в самом начале подготовки к торжеству она предложила пригласить лишь самых близких родственников, человек десять, не больше. После свадьбы новобрачные полетели в Париж, оттуда в небольшой курортный городок на юге Франции недалеко от Ниццы и Канн. Небольшой, но, как и горнолыжные деревни, дорогой заоблачно.

Сначала Оля с работы не увольнялась. Она лишь прервалась на летние каникулы, планируя с сентября снова приступить к занятиям. Олег усмехался, слушая про Олины планы. Он был уверен – она не сможет ездить на работу с Рублевки, имея даже сто пятьдесят машин с мигалками. Что касается самого Олега, то проблема добраться для него не существовала: он работал без четкого рабочего графика, выбирая

«зеленое» время.

Олег являлся владельцем нескольких огромных торговых площадей по всей Москве. Когда-то он начинал с рынков. На рынках торговали шмотками, едой и еще бог знает чем. То есть бог и Олег. Олег знал каждую собаку, торгующую на его территории. Аренда складывалась из аренды, поборов, процента от выручки и от настроения и нужд хозяина. Если, например, Олегу не хватало на новую машину, он собирал недостающее с продавцов. Позже он начал скупать пустующие помещения заводов, научных институтов и вообще все, что плохо, если можно так выразиться, лежало. Он начал ремонтировать свои помещения и сдавать их в аренду. По сути, торговые центры были теми же рынками, и выглядели они более прилично. Впрочем, в торговых центрах те же сапоги, что продавались на рынке, стоили в разы дороже. Магазины, которые на рынке назывались ларьками, в торговых центрах получили гордое французское имя «бутик». Несмотря на все правила русского языка и словарь иностранных слов, россияне произносили «бутики» с ударением на последний слог, видимо, по аналогии все с теми же ларьками. В бутиках, соответственно, сапоги, пошитые где-то на российских просторах, стали резко итальянскими, а кофточки, пошитые в Турции, французскими.

Все, что делал Олег, – это ездил по своим точкам и смотрел, как там идут дела. Иногда напоминал должникам об оплате. Олег любил заехать в торговый центр, походить, по-

смотреть, зайти к кому-нибудь попить а том конце провода (ну у мобильных нет проводов, но как тут еще по-русски выразиться? шей душе... их в принципе было сложно.укофейку, поболтать. Во время одной из таких поездок он, кстати, и познакомился с Олей. С Рублевки Олег выезжал к полудню, когда основные пробки на выезд уже заканчивались. Его водитель на черном джипе бодро гнал, если надо по встрече, подрезал мелкую шелупонь с маломощными двигателями и в итоге подвозил шефа к первому выбранному им на сегодня торговому центру. Вечером Олег обычно ужинал в одном из московских ресторанов, встречался с друзьями, шел в баню или тренажерный зал, а то и во вновь открытые казино, скинуть напряжение и лишние деньги. Обрато он ехал, когда пробка в сторону области более или менее рассасывалась.

Оля промучилась месяца три. Расписание она постаралась составить максимально удобно, и все равно ей приходилось выезжать с очень большим запасом, чтобы успеть вовремя на занятия. Вечером Олег требовал, чтобы Оля была с ним. Они вместе ужинали, а потом она возвращалась домой, и довольно часто одна: Олег отправлялся «по баням». Наверное, Оля просто из принципа и дальше бы ездила на свои курсы английского языка, но к зиме она забеременела. Олег был страшно рад и тут же заставил ее уволиться и сесть дома, как он выражался «вынашивать потомство». Но вдруг в феврале совершенно на пустом месте, без всяких на то причин у Оли случился выкидыш. Врачи безумно элитной клиники успо-

каивали и говорили, что надо чуть-чуть подождать и попытаться снова – ведь со здоровьем все в порядке. Надо пройти обследование, дать организму отдохнуть и совершить вторую попытку.

Оля была в шоке. Она как-то уже свыклась с мыслью о том, что у нее будет малыш, будет хоть кто-то, кто поймет ее, разделит одиночество, которое противной серой паутиной начало опутывать Олину жизнь. Но главное, Олег совсем не поддержал Олю в эту трудную минуту. Он почему-то считал, что она виновата в том, что случилось. Она-де недостаточно следила за своим здоровьем, что-то там недосмотрела, недопочувствовала, не легла на сохранение. Он отдалялся от Оли все больше и больше, не приглашал ее на ужины в ресторан, не уговаривал ехать куда-нибудь за границу, не дарил подарки. Он лишь открыл ей счет в банке, дал карточку и сказал делать с ней все, что заблагорассудится.

Другая бы с горя загуляла на мужнины деньги, хотя бы этим компенсируя отсутствие с его стороны внимания. Оля же сидела дома, читала книги, которые по сравнению с шубами и салонами красоты стоили сущие копейки и еще давала советы изучающим английский на разных Интернет-форумах. Единственное, на что Оля тратила довольно-таки приличные суммы, была частная клиника, в которую она ходила на обследования в надежде все-таки зачать и выносить здорового ребенка. Тем летом, ровно через год после свадьбы, Оля отдыхала в Спа-центре в Финляндии одна...

Через два года Оля перестала быть уверена, что сможет кого-то родить просто потому что муж с ней спал все реже и реже, а домой возвращался все позже и позже. Если даже он бывал дома, то говорить им друг с другом было категорически не о чем. Оля понимала, что ее успехи в преподавании языка онлайн его только раздражают, поэтому молчала и не рассказывала о них совсем. Лечение давно перестало Олега интересовать, он только кивал и говорил: «Если надо, возьми еще денег». Сам он про работу никогда особенно не распространялся, обычно рассказывая Оле анекдоты или какие-то истории, произошедшие на дороге, типа: «Опять эти чайники столкнулись» или «За рулем, естественно, сидела баба». Впрочем, в последнее время Олег больше молчал, включив огромный телевизор погромче.

Больше всего за городом ей нравилась природа. Листья желтого, зеленого, красного цветов рассыпались по всей территории до самого забора. Оля специально попросила дворника не убирать их с лужайки. Она сидела на скамейке и смотрела, смотрела, смотрела на расстилавшийся перед ее глазами ковер. Рядом стоял мольберт. Чуть погодя Оля начала рисовать.

Совсем недавно жизнь понемногу начала меняться к лучшему. Во-первых, Олю пригласили преподавать на онлайн курсы английского языка. Платили там мало, но поскольку для нее деньги не являлись главным условием, Оля с удо-

вольствием взялась за работу. Она придумывала разные программы, пыталась увлечь своего ученика и порой проводила перед экраном целый день. Кроме того, Оля еще летом обнаружила в местной рублевской газете объявление о наборе в художественную студию. Занятия проводились днем, два раза в неделю, в коттеджном поселке, неподалеку от Олиного дома. Стоимость занятий Олины уроки через Интернет никогда не окупили бы, но банковский счет Олег жене пополнял регулярно, поэтому, несмотря на легкий шок от услышанной цифры, Оля записалась в студию.

В основном в студии занимались женщины за сорок. Это были дамы, которые вместе с мужьями поднимались до статуса олигархов, а поднявшись, выли от нечего делать дома. Дамочки помоложе находили себе развлечения в фитнес клубах, салонах красоты, ресторанах и увлекались вокалом. То есть, уж если и заниматься искусством, то либо писать книги, которые потом с радостью за свой счет опубликует любимый муж, либо петь, чтобы потом опять-таки с помощью того же любимого мужа записать диск, а одну из песен отправить замыливать уши слушателю на радио. Тут у кого какие таланты. Некоторые, впрочем, рожали любимым мужьям детей, с которыми сидели няньки, но все-таки досуг был условно занят.

Женщины за сорок в основной массе детей уже родили и даже успели их подрастить, в фитнес ходили не так оголтело, как их молодые «коллеги», литературным и вокальным

творчеством не увлекались. Среди женщин постарше модным стал дизайн, а для менее продвинутых, но более утонченных – рисование.

В художественной студии рисовать учили быстро – олигархические жены хотели достичь результата мгновенно, как на курсах по ускоренному изучению иностранных языков: «Я, пожалуй, слова учить не буду. Грамматика тоже особенно никому не нужна. Да и не понимаю я ее. Но вот заговорить я должна через месяц. А лучше через пару недель». Оле эта категория граждан была хорошо знакома, так как подобные особи водились не только среди богатых людей с Рублевки. Терпения и усидчивости дамам явно не хватало. Посидев несколько занятий перед мольбертом, пытаясь в карандаше запечатлеть вазочки, яблоки и прочие предметы, щедро выставленные перед учениками на небольшом возвышении, дамы бросали это дело, перемещаясь обратно в привычные глаза салоны красоты.

Оля, нисколько не претендуя на звание «лучшая художница Рублевки», тем не менее, задержалась в студии дольше всех. Ученицы приходили и уходили, а Оля оставалась, упорно постигая азы живописи. К осени она успела договориться с преподавателем об индивидуальных занятиях, потому что, во-первых, ей стали мешать ничего не делающие сокурсницы, а во-вторых, Оля хотела заниматься больше и дольше, чем другие. Преподаватель, бородатый, колоритный мужчина на лет пятидесяти с удовольствием взялся за обучение.

И вот сидя в собственном саду перед чистым листом бумаги, Оля пыталась выполнить домашнее задание на тему «Осень». Вроде и не сложное задание, но ведь, чем шире поставлена задача, тем сложнее ее выполнить. Помогли неубранные листья. Конечно, рисовать разноцветные опавшие листья банально. Но Оля зацепилась за эту идею и принялась потихонечку ее воплощать карандашом на бумаге.

Листочки выходили неплохо. Пусть пока еще только в карандаше, но Оля уже чувствовала, что получится должно хорошо. Она смешивает разные краски, и будет полная гамма тех цветов, что лежали сейчас перед ней. Подул ветер, и листочки, пошуршав для порядка, слегка поменялись местами друг с другом. Где-то проглянула зеленая трава газона, не успевшая еще уступить свое место холодной, сырой, голой земле. Цвета смешивались сами, как будто кто-то хотел усложнить художнице задачу: вот сейчас тут у нас так, а через минуту все иначе, сейчас у нас больше бордового, а вот, подожди чуть-чуть и увидишь, что больше желтого и коричневого. «Так будет продолжаться вечно, – подумала вдруг Оля, – потом будет больше черного, оголится земля, потом пройдут дожди и зеркальные лужи станут отражать небо, которое в свою очередь будет мешать и мешать краски от голубого до темно-серого. После наступит зима, и с черным смешается белое, лужи покроются коркой льда, а потом белое, здесь за городом, не в Москве, конечно, вытеснит все остальные цвета. Лишь будет отдавать чуть голубизной, лишь бу-

дет на солнце сверкать снег, переливаясь ничуть не хуже моих бриллиантов. Только бриллианты лежат себе в шкатулке в полумраке вечно зашторенной спальни, а снег блестит на улице, расплескивая яркие блики направо и налево так, что хочется зажмуриться». Оля застыла с карандашом в руке, вдруг поняв, что вот это движение красок ей не передать никогда. Что листья просто застынут на холсте в одном своем минутном положении, и никто даже не догадается, куда они полетят потом, как лягут буквально через мгновение.

«Вот и я также двигаюсь по жизни, гонимая каким-то невидимым ветром. Меняю свой цвет, перемешиваюсь с другими людьми, застываю и опять перемещаюсь дальше. Только некому меня нарисовать, запечатлеть в данную минуту. Никого не интересует эта женщина, которая сидит без толку во дворе и не знает, как ей жить. Ну или проще, как ей нарисовать осень». Оля взяла ластик, подтерла кое-где и снова зашуршала карандашом. Становилось прохладнее. Женщина, убиравшаяся в доме, крикнула из окна второго этажа:

– Оля, может быть вам принести плед?

– Да, было бы не плохо. Спасибо, – откликнулась как бы хозяйка большого дома.

– А то я уж гляжу, вы все сидите. А уж вон холодает. Ветер, наверное, к вечеру дождь надует. Прямо, как обещали в новостях, – накидывая плед Оле на плечи, сказала домработница.

– Да, – протянула Оля, – редко у них прогнозы сбываются.

– И то верно, – покивала собеседница, – может и этот не

сбудется, – и она пошла в дом убираться дальше.

«Не сбудется, не сбудется, не сбудется, – повторяла Оля про себя последние слова Нины Григорьевны, – ничего уже не сбудется. Рисуи не рисуи!». Но рисовать она продолжила, упорно настроившись на результат. Вот нарисуешь осень, и что-то произойдет, что-то незримо сдвинется в пространстве, наклонится куда-то, сместится. Оля рисовала и рисовала, как одержимая, прорисовывая листочки, пока вдруг часа в три нестерпимо не захотелось есть. «Надо прерваться», – подумала она, поднимаясь со скамейки. Оля протянула к небу затекшие руки, вытянула вперед поочередно ноги, мотнула головой туда-сюда. Потом сложила карандаши и ластики в пенал, взяла на всякий случай мольберт (может, действительно, дождь пойдет) и потащила все это в дом, периодически поправляя сползающий с плеч плед.

Как готовила Оля, Олегу не нравилось, и он оставил после женитьбы свою прежнюю «домоправительницу»: Нина Григорьевна и убиралась, и готовила, а ее муж следил за участком. У Оли никогда не было тяги к кулинарному искусству, и она в душе признавала неоспоримое превосходство домработницы на кухне. Но посторонний человек в доме ее напрягал. Оля никак не могла полностью расслабиться в присутствии Нины Григорьевны. А уж ее невинная манера каждый раз, когда Оля заходила на кухню и начинала есть, спрашивать: «Вкусно ли, Оленька? Все ли в порядке?» вообще выводила из равновесия. Поэтому днем Оля старалась дома

не обедать. Ладно завтрак – утром особенных разносолов к столу и не положено. Или кофе попить, чай – все это как-то еще проходило без вторжения Нины Григорьевны. Обед, вот это было уже чревато. За ужином обычно отдувался Олег. Он, в отличие от Оли, не напрягался. Если он, конечно, вообще ужинал дома.

Оля разложила свои рисовальные принадлежности по местам, переделалась и пошла снова на улицу, к машине. Ей и за это бегство тоже было неудобно перед домработницей: та все-таки старалась и считала себя обязанной каждый день что-то готовить. Но из дома хотелось нестерпимо уйти. Дом этот в принципе Оля своим не считала. Она въехала в него не хозяйкой, а скорее гостьей. За несколько лет до свадьбы дом был отстроен Олегом, предусмотрительно купившем участок на одном из самых элитных подмосковных направлений. Постепенно дом обустроивался, покупалась мебель, высаживались в саду деревья и кустарники. В один прекрасный день Олег оставил свою московскую квартиру маме и одиноко воспитывающей сына сестре и переехал за город.

Казалось бы, никто не запрещал Оле переделать все по своему усмотрению. Но ей всегда было как-то неловко об этом заводить разговор. Единственным ею внесенным изменением была гостевая, переделанная в художественную студию. Попытка поменять под себя расстановку кухонных принадлежностей потерпела полный крах. Нина Григорьевна, молча все снова расставляла «по местам». И когда переста-

новка туда-сюда повторилась в третий или четвертый раз, Оля просто махнула на все рукой. Выяснять отношения из-за этого ей не хотелось. Забрав себе в единоличное владение гостевую, Оля купила туда кофемашину и небольшой чайник. По крайней мере, теперь она могла спокойно пить кофе и чай, не находясь под неусыпным оком «домоправительницы».

По стеклу забарабанил дождь. Оля включила дворники и медленно поехала к воротам. На нее из окна смотрела Нина Григорьевна. Ей всегда хотелось сказать Оле, чтоб она не бежала из дома, чтоб она спокойно ела, ставила все на кухне, как ее душа пожелает. Но что-то все время мешало женщине, знавшей Олега с пеленок, пойти на контакт. Лучшая институтская подруга его матери ничего не могла с собой поделать: она была Оле как свекровь, она была даже хуже, чем свекровь, потому что права никакого не имела затевать выяснения отношений. Она стала прислугой в доме, в котором до появления Оли, чувствовала себя хозяйкой. Единственной отдушиной были звонки Олеговой матери. И сейчас она тоже подошла к телефону, чтобы набрать знакомый номер:

– Понимаешь, опять укатила, – начала Нина Григорьевна рассказывать подруге, – я тут значит наготовила, а она опять – швырк из дома.

Дальше разговор пошел, как по писанному: обе женщины с удовольствием говорили о том, что Оля вышла замуж не по любви, а по расчету, что хозяйка из нее никудышная, и что

детей она иметь, к сожалению, не может...

За столом напротив Олега сидела платиновая блондинка с волосами чуть не до попы. Волосы были наращенными, и во время секса девица всегда немного нервничала, так как Олег любил за волосы дергать и довольно сильно. Олег подумал про Олю. У его жены волосы были темные, до плеч. Вначале их знакомства они были натурального цвета, а с переездом на Рублевку стали отливать красивым каштановым блеском. Несмотря на то, что в Рублевском салоне Олю стали красить, она всегда выглядела натурально. Олега это в начале и привлекло – Олина естественность во всем: и во внешности, и в поведении. Но сейчас напротив сидела крашенная блондинка с ярко-красными губами, длиннющими ножищами, которые слегка были прикрыты мини-юбкой. Блондинка съела последний салатный лист и жеманно попросила заказать кофе.

– Я тороплюсь, – неожиданно сказал Олег, – деньги официанту я оставляю, так что ты тут спокойно допивай кофе. Да, вот еще, – Олег залез в портмоне, – деньги на такси. Закажи себе машину.

– О'кей, – на лице у девицы не отразилось ни грамма эмоций. Она закинула ногу за ногу, взяла деньги и спокойно положила их в сумку. Когда Олег вот так же отправлял домой жену, а сам собирался продолжать вечер где-нибудь с друзьями, она всегда оскорблено поджимала губы, и иногда ему да-

же казалось, что Оля вот-вот расплатится от обиды и швырнет ему деньги в лицо. Этой, блондинистой, все было по барабану. Мама, считавшая Олю охотницей за деньгами ее сына, никак не хотела понять, что женился он очень правильно, именно на той, которую его состояние не волновало совсем, а в какой-то степени даже, раздражало. Главным обломом в Оле было то, что она не смогла выносить ребенка. Олег оправдывал свое равнодушие к жене только этой причиной. Остальные он не видел и видеть не хотел.

В машине Олег закурил и велел шоферу ехать в клуб. В последние месяцы он всем остальным развлечениям предпочитал именно клуб. Сев в отдельном кабинете, он пил пиво или что-нибудь покрепче, жевал вредные чипсы и смотрел большой плазменный телевизор, висевший на противоположной стене. С любовницами разговаривать было не о чем, поэтому с ними он только имел более или менее бурный секс, иногда приглашая потом поужинать в ресторан. С женой тем для разговоров могло найтись множество, жена была умной.

Даже полный идиот всегда понимает, что перед ним умная женщина. Как минимум, он чувствует, что в ней что-то не так. Олег идиотом не был, так что Олин ум он просек сразу и вначале его это радовало так же, как ее натуральность и нерасчетливость. Но позже тот факт, что любой тест на коэффициент интеллекта, о котором Олег, кстати, впервые услышал в подробностях именно от своей будущей жены, пока-

жет неоспоримое превосходство Олиного ума над его, Олеговым, в баллах и с уничижительным комментарием, стал раздражать все больше и больше. В итоге присутствие жены его стало тяготить.

В клубе было спокойно. Не чувствовалось течения времени, тихо журчал над ухом телевизор. Официант заходил в кабинет только после нажатия специальной кнопки, не выхватывая, как это обычно бывает, тарелки из-под носа. Ставшая уже родной грязная салфетка лежала себе спокойно возле руки, никто не порывался менять пепельницу, в которой тихо покоилась кучка окурков и немного пепла. Еще одним плюсом многие считали возможность курить в помещении. Олег обычно расстилал перед собой план какого-нибудь нового объекта и любовался на цифры, обозначающие на плане квадратные метры. Он представлял себе, сколько магазинов он сможет воткнуть на эти самые метры, сколько надстроить этажей, где он сделает дополнительные входы и выходы, куда удастся приткнуть парковку.

Недавно к спокойному времяпрепровождению в отдельном кабинете прибавилось новое развлечение, подоспевшее, надо сказать, вовремя. Олег уже начал уставать от однообразных вечеров, проводимых в одиночестве, и подумывал о том, чем еще заняться на досуге. Его пригласили в клуб внутри клуба. В первую очередь прельстила просто сумасшедшая плата за членство. Опыт подсказывал, туда стоило походить, посмотреть, что за эксклюзив предлагается его вниманию.

Поначалу Олег юмора не понял: сидят здоровые мужики и обсуждают своих собственных жен. По очереди. Очередность устанавливает невидимый организатор вечеринок. Дни, по которым происходили встречи в клубе внутри клуба, тоже назначались вне всякого порядка и системы. Просто рассылались сообщения о том, что сегодня встречаемся и все. Тому, кто должен был выступать, делали об этом в сообщении специальную пометку. Сегодня говорить должен был Олег. Его уже не смущало то, что он собирался выложить перед достопочтимым собранием. Оля умная и это плохо. Была бы дура, тоже ничего хорошего бы не было. Такая вот гамлетовская проблема. Она унижает его своим умом, знанием иностранных языков, а теперь еще и успехами в рисовании.

В клуб Олег входил полностью подготовленный к исповеди. Его ждали сочувствующие товарищи по несчастью: выберешь ли ты умную или дуру, блондинку или брюнетку, красотку или страшненькую – все равно расскаешься...

К вечеру домой Оля вернулась расстроенная: ее преподаватель-художник уезжал в Италию оформлять дом очередному богатею. Художник дал Оле телефон своего друга, который мог продолжать ее обучение. Но Оле менять преподавателя не хотелось. Она вошла в темный холл, положила большую холщовую сумку на диванчик и, вздохнув, села рядышком.

– Оля, что вы тут сидите в темноте? – Нина Григорьевна

материализовалась в дверном проеме и щелкнула выключателем.

– Спасибо, – Оле захотелось стукнуть «домоуправительнице» чем-нибудь тяжелым.

– Вот «Рублевку» принесли. Хотите посмотреть? – Нина Григорьевна протянула Оле местную газету с объявлениями.

– Спасибо, – опять повторила Оля, послушно протянув руку за ненужным куском макулатуры.

На первой же странице красивым шрифтом было выведено: «Кулинарные курсы». «О! – подумала Оля. – Будут учить этих местных дамочек яичницу жарить. Уж если учиться, то готовить что-нибудь эдакое. Красивое. Изысканное». Оля скользнула глазами по объявлению. «Если вы хотите поразить мужа чем-то невероятным – научим и этому! Фуа-гра, ризотто, торт Эстерхази – вам будет подвластно все!» Оля сунула ноги в тапки и решительно протопала мимо Нины Григорьевны, которая по-прежнему стояла в холле. «Пойду учиться готовить! Вот так!» – Оле захотелось показать домоуправительнице язык, но она сдержалась.

Нина Григорьевна с удивлением проследила взглядом за Олей, скакавшей через две ступеньки к себе наверх...

Москва, осень Часть 2

У Лёни наследственность была хоть куда: в свое время оба его родителя дружно окончили институт международных отношений. Позже папу пару раз посылали служить за границу в не очень развитые африканские страны. Потом вследствие каких-то закулисных игр посылать перестали, но и на Родине он устроился неплохо. И даже во время кризиса сидел консультантом в представительстве крупной американской фирмы, получая за свою работу щедрую зарплату и бонусы по окончании года. Мама сначала ездила с папой в Африку, параллельно воспитывая маленького Лёню. Затем мама закончила бухгалтерские курсы, устроившись на работу по папиной протекции к знакомым еще по Африке бывшим дипломатам. Дипломаты покупали все в тех же африканских странах драгоценные камни и перепродавали их в Москве ювелирам. В последние годы мама, устав считать чужие деньги, стала коучем. Толком понять, что это за профессия такая, Лёня не мог, да и, наверное, не хотел. В общих чертах он знал, что мама ездит по разным фирмам, большим и маленьким, и учит сотрудников уму-разуму.

Темы маминых семинаров были разнообразны: как наладить отношения в коллективе, как избегать конфликтов на рабочем месте, как правильно угодить шефу, как избежать сексуальных домогательств на рабочем месте, как правиль-

но вести переговоры, как женщине сексуально одеваться, но так, чтобы избежать сексуальных домогательств, как организовать мероприятия «Тим билдинг активити», как отмечать праздники на рабочем месте, и так далее, и тому подобное. Мамин список занимал несколько страниц, подшитых в тоненькую папочку и бесплатно размноженных на работе папой. Мамина деятельность пользовалась безумным спросом – график ее семинаров был расписан на несколько месяцев вперед, и никакой экономический кризис не мог остановить менеджеров в их порыве поднатереть в различных психологических тактиках и приемах.

В кого Лёня уродился альтруистом, оставалось загадкой для всей семьи. Конечно, можно было бы покопаться в предыдущих поколениях, но копайся не копайся, а ни милиционеров, ни сыщиков, ни полицейских, ни сотрудников госбезопасности среди Лёниных предков не найдешь. Мама грешила на папиной двоюродной сестры дедушку, который вроде, по слухам, работал у царя на тайной и очень секретной службе.

– Нет, нет, – мама решительно мотала головой, – я знаю, что говорю! В органы ты попал случайно. А подобные случайности нужно устранять. Нужно уметь поменять все в своей жизни. Раз и поменять. Нельзя стоять на месте.

– Мама, ты не на своем тренинге, – пытался остановить мамин запал Лёня, – угомонись. Меня все устраивает.

– Устраивает! – ухмылялся папа. – Ты же дальше соб-

ственного носа в жизни ничего не видел. Даже за границей не был!

– Лёничка был, – возражала мама.

– Был! Он был в младенчестве в Африке! Благодаря мне, между прочим, – папа тыкал себе в грудь указательным пальцем, – сие не его заслуга. Да и назвать это за границей можно с большой натяжкой.

Милиционером Лёня хотел быть с детства. Но в определенном возрасте родители обычно не обращают серьезного внимания на желания детей стать космонавтами, пожарниками, милиционерами или, положим, дворниками. Так и Лёнины родители смотрели на его мечты сквозь пальцы. Тем более, что рос он мальчиком пухленьким, не спортивным, домашним таким ребенком. Когда Лёне стукнуло лет шестнадцать, родители поняли, что попахивает серьезной разборкой. Лёня продолжал стремиться в милиционеры, а точнее, в полицейские. Он собирал документы в полицейскую школу, качал мышцы и учил необходимые для поступления предметы.

Дело кончилось тем, что родители подняли на ноги всех знакомых и родственников, и после окончания специального полицейского учебного заведения Лёня попал ... в оркестр.

– Не даром я заставляла Лёничку ходить в музыкальную школу, – радовалась мама. – Пригодилось!

Лёня о происках родителей не догадывался. Он покорно

пошел в полицейский оркестр и несколько лет играл в нем на флейте. Беда подкралась незаметно – финансирование оркестра решено было прекратить по причине полной нерентабельности. Всех служивших в нем полицейских раскидали по московским отделениям, определив на самые простые участки работы. Лёня такому раскладу только обрадовался, наивно полагая, что наконец-то сможет начать активно ловить преступников и распутывать сложные уголовные дела.

В свободное время Лёня любил складывать оригами. Когда-то на презентации японской фирмы ему подарили шикарную книжку про этот вид искусства страны восходящего солнца. Лёня увлекся, купил самоучитель и в итоге стал дарить всем на праздники свои произведения. А по утрам в субботу он умудрялся даже вести кружок оригами в клубе детского творчества. Иногда, когда дежурства мешали проведению занятия, пожилая женщина, занимавшая при кружках никому непонятную должность инструктора, обзванивала ребят и отменяла оригами.

– Лёничка, – говорила мама Лёне, – пошел бы ты, например, в частное сыскное агентство. С твоими-то способностями!

– Во-первых, меня не очень туда зовут, – терпеливо объяснял Лёня маме, – во-вторых, надо и в государственных органах кому-то работать.

– Скоро в государственных органах останется один человек – это ты, – ехидно встревал в разговор папа, – может и

хорошо, мать, что он не женится и детей не рождает. Наследственность плохая. Ребеночек тоже может потом захотеть работать в этой сфере.

– Не говори так, – печально качала головой мама. – У Лёни отличная наследственность, а вот ведь понесло невесть куда, – мама разводила руками и уходила из комнаты на кухню, чтобы не слышать ответные реплики сына.

В свои тридцать восемь Лёня действительно по-прежнему оставался холостяком. Он жил в комнате в коммунальной квартире, доставшейся ему от бабушки, которая в следствии преклонного возраста, а также вредности соседей переехала к Лёниным родителям. Лёня по умолчанию переехал на место бабушки. Соседи поутихли.

В комнату он перетащил свои немногочисленные пожитки, а также подаренный по поводу тридцатилетия рабочим коллективом холодильник, подаренную Лёниными родителями стиральную машину, а также кота, который все тот же заботливый коллектив подарил на новоселье. Кот, надо сказать, оказался неприхотливым, ходил строго в свой лоток в туалет, беспрекословно ел кошачью баночную еду, которую ему сыпал, кто попало и когда попало, наострился открывать лапой кран на кухне, чтобы попить, если не было воды в его плошке. Короче, носил гордое звание образцово-показательного кота, живущего в непростых условиях того, чья служба называется «опасной и трудной».

Сам Лёня, понятное дело, ходил в туалет тоже куда поло-

жено. Ел, что придется и пил порой из-под того же самого крана, что и его кот. Ел он в основном бутерброды с колбасой, сосиски, быстроприготавливаемую лапшу и пельмени. Кот во время ужина урчал и терся о ноги хозяина. Тут ему могла перепасть сосиска, колбаса или пельмень. Кот в подобных деликатесах знал толк и с удовольствием на бис открывал и закрывал кран, дабы потрафить любимому хозяину.

На батарее у Лёни сушились пакетики из-под чая. Он знал, что дешевле покупать чай заварной, а не в пакетиках, но жизнь показала, что пакетики все-таки куда экономичнее. Заваренный в чайнике чай иногда из-за отсутствия дома хозяина в течение нескольких дней подряд, покрывался плесенью. Его приходилось выливать в унитаз, используя по сути всего один раз. А пакетики можно было, положив на батарею, спокойно использовать тогда, когда возникала в них необходимость. Правда, такой номер проходил только с пакетиками черного чая, зеленый и ягодный чай прилично заваривались второй раз, на третий цвет становился блеклым, а вкус куда-то пропадал. Но Лёня спокойно обходился черным. А если уж родители или кто-то из более зажиточных друзей привозили чай другого цвета, то, как известно, дареному коню в зубы не смотрят: халявный чай использовался два раза и потом безжалостно выбрасывался. Вначале, будучи котенком, кот проявлял нездоровый интерес к пакетикам с ниточкой, так завлекательно лежащим на батарее. Он подпрыгивал и лапой сдергивал пакетики, а потом играл с

ними, мотая их по полу и приводя в совершенно негодный для дальнейшего использования вид. Кота пришлось приучить к мысли о том, что пакетики – это тебе не игрушка, кот полицию уважал и на рожон лезть не стал, переключившись на другие развлечения...

Проработал в полиции Лёня недолго. Сердобольные родители не могли смотреть на то, как их сын прозябает в отделении, принимая жалобы от местного населения. Они во второй раз подняли все свои знакомства и с помощью дальней родственницы, проживавшей на Рублевке, пристроили Лёню в частное детективное агентство. Родственница клятвенно их заверила, что на опасные задания Лёню посылать не будут. Работенку дадут не опасную, но относительно высокооплачиваемую...

На двери висела табличка «Оперативный отдел». В отделе сидел Лёня и еще один сотрудник, Василий, сын мэра расположенного неподалеку подмосковного города. Целыми днями Лёня крапал отчеты. Сначала было интересно, потом осточертело страшно. В его задачу входило подробное описание материала, записанного камерой слежения. На Лёню свалили то, что делать не хотел никто – отчеты по слежке за мужьями, женами или любовниками. Все знали, что живость работе придавали интимные сцены, которые приходилось просматривать в огромных количествах. Но все также знали и другое – если чуть ли не поминутно описывать в от-

четах перемещения «главных героев», включая, естественно, их перемещения по кровати, то спустя некоторое время, в душе гарантированно появлялось отвращение к любым сексуальным упражнениям, даже своим собственным.

Василий вел прием редких, проходящих «с улицы» клиентов. Его работа могла бы быть чуть живее, чем Лёнина. Но в детективное агентство случайные люди приходили редко. В рекламе оно не нуждалось – владелец агентства обладал такими знакомствами, что мог быть обеспечен клиентурой до конца своих дней. Тем более, что поручения давались пикантные, опасные, а то и не очень законные. И клиенты, и сотрудники агентства предпочитали иметь дело с людьми проверенными. Так что у Василия работы бывало обычно немного – мог зайти кто-то случайно, прочитав вывеску на двери, или выудив телефон из базы данных, в которой детективное агентство обязано было быть зарегистрировано. От нечего делать Василий иногда смотрел особенно пикантные сценки, скрупулезно описываемые соседом по комнате, иногда слушал в наушниках музыку. Но чаще он сидел на сайтах знакомств и чатился с очередной девушкой. Годков ему было двадцать пять. В детективном агентстве он сидел временно – ждал, когда папа подберет ему более достойную работу за границей.

На работе Лёня появлялся всегда вовремя – в девять ноль-ноль, четко по-полицейски. Василий приходил в разное время – в зависимости от того, во сколько лег накануне. Иногда,

Василий не появлялся вовсе. Сказывался больным. Лёнина жизнь перевернулась именно в один из таких дней. Василий типа заболел, а в контору пришла женщина «с улицы».

– Лёнь, – позвала секретарша, – подойди ко мне на минутку.

Лёня с готовностью бросил писать очередной надоевший донельзя отчет и пошел в приемную.

– Тут, понимаешь, женщина пришла, – прошептала ему девушка на ухо, – Василия сегодня нет. Прими ее, а? Запиши там основное и пообещай перезвонить. Все равно ею никто особенно заниматься не будет.

Делами таких клиентов и в самом деле сотрудники агентства себя не утруждали: с них брали предоплату и обещали перезвонить. На этом работа заканчивалась – основные силы уходили на клиентов, которые приходили по знакомству. Впрочем, Василия никто не ограничивал. Хочешь, ищи, расследуй, следи. Василий не хотел...

– Конечно, конечно, – Лёня посмотрел вокруг, идентифицировал пострадавшую и гостеприимно махнул ей рукой, приглашая пройти в его кабинет.

Пожилая женщина с уважением прочла надпись «Оперативный отдел» и с еще большим уважением посмотрела на подтянутого Лёню. За годы службы в полиции он не набрал ни грамма лишнего веса, чему способствовала маленькая зарплата и регулярное посещение тренажерного зала. В Лёне было сто восемьдесят пять сантиметров роста, он обладал

прекрасной густой шевелюрой, которую безжалостно превращал в парикмахерской в короткий ежик. Из-под длинных ресниц на женщину смотрели зеленые глаза, одновременно придававшие Лёне загадочности и вызывавшие доверие.

– Что у вас стряслось? – учтиво спросил Лёня, доставая диктофон из ящика стола. – Мы приложим максимум усилий, чтобы вам помочь.

– Понимаете, у меня пропала дочь, – женщина запнулась и промокнула глаза салфеткой, которую все это время сжимала в руке.

– Воды? – предложил Лёня.

– Нет, спасибо. Я постараюсь взять себя в руки, – женщина всхлипнула, глубоко вздохнула и продолжила говорить. – Болею я давно. Уже около года. Все это время мы с дочкой копили на операцию. Вроде и не самая сложная операция, и не самая дорогая, но, если ее не сделать, последствия бы были не очень-то радужные. Вплоть до летального исхода, – женщина снова вытерла набежавшие слезы. – Зарабатываю я мало – воспитательницей работаю в детском саду. А дочка поступила в Москве в институт. Подрабатывала, конечно, где могла: в кафе, ресторанах, ночных клубах. Примерно месяц назад получаю я от нее письмо по электронной почте – мол, мама, не волнуйся. Я нашла хорошую работу за границей. Дальше она пишет, что ее исследования так заинтересовали иностранцев, что они предоставляют ей возможность учиться и работать. Да еще платят щедрый аванс.

– Повезло, – пробормотал Лёня.

– Я тоже вначале так подумала, – закивала женщина. – Вскоре на мой счет пришла большая сумма. Дочь писала, что это мне на операцию. Я воспользовалась деньгами. Операция прошла успешнее, чем ожидалось. Часть денег даже осталась. Их-то я вам и собираюсь заплатить за работу.

– А что случилось-то?

– Дочь пропала, – женщина закрыла лицо руками, – исчезла!

– Уехала за границу? – предположил Лёня.

– Но ведь и из-за границы можно писать письма! Я-то сразу не сообразила, что произошло. В больнице освободилось место. Меня могли взять на операцию без очереди. А когда я вернулась домой, от Алечки ничего не было, никаких вестей. Я поехала в Москву. Ее подруги по общежитию, одногруппники, все сказали, что она просто исчезла около месяца назад, ничего никому не сказав. Она не оставила ни телефона, ни адреса.

– Вы заявили в полицию?

– Заявила. Но они не очень вежливо со мной поговорили, и я поняла, что лучше попытаться действовать самой. Деньги, которые у меня остались – ее. Я обязана потратить их на поиски дочери. Пожалуйста, помогите, – последние слова женщина произнесла еле слышно, снова начав плакать.

– Не волнуйтесь, – Лёня все-таки пошел за стаканом воды, – расскажите мне, где она училась, дайте мне ее теле-

фонный номер, координаты друзей...

Еще какое-то время Лёня потратил на скрупулезное фиксирование информации. Он понимал, что его час пробил. Василий бы кинул дело в стол, не став и пальцем шевелить. Лёня же решил взяться за дело всерьез. Впервые за многие годы он мог не только проявить себя, но и реально помочь страдающему человеку. То есть сделать то, о чем мечтал в детстве...

Первый шаг не принес никакого толку – Алькин телефон был уже месяц как заблокирован. Второй шаг вел в общежитие. Лёня позвонил двум ближайшим подругам пропавшей девушки и договорился с ними о встрече.

Вечером в общежитии туда-сюда сновала уйма народу. Молодые люди громко разговаривали, шутили, смеялись. Лёня присел на уголок дивана, стоявшего недалеко от охранника. Вскоре к нему подошли Алины подруги.

– Аля постоянно искала подработку, – начала рассказывать одна из них. – Перед своим исчезновением она устроилась работать в ночной клуб. Денег там платили много. Единственное, работа была ночная. Тяжело потом на лекциях сидеть. Но Алька старалась, как могла. Хозяин ей чего-то наобещал. Типа про перспективы. Она и пахала.

– А откуда у нее все-таки взялась большая сумма маме на операцию? И что это за информация про работу и учебу за границей? – уточнил Лёня у девушек.

– Про деньги мы и не знали ничего, пока мама не приехала и не начала всех тут расспрашивать. Про работу и учебу, тем более. Но мы учимся на продвинутом факультете. Теоретически, конечно, всякое могло быть. Алька, правда, в науке не блистала... Вряд ли ее кто-нибудь всерьез звал за границу.

– В тот день, когда она пропала, что происходило?

– Утром Аля сказала, что плохо себя чувствует и осталась в общежитии. А после занятий ни ее самой, ни ее вещей в комнате не оказалось. Но она написала записку, что с ней все в порядке, чтобы мы не беспокоились.

– И вы не беспокоились? – удивился Лёня.

– Да нет, – девчонки пожали плечами, – у каждого своя жизнь. Могла, например, к парню свалить. Или к матери поехать. Мало ли что.

– Но ее не было почти месяц! – гнул свою линию Лёня.

– Так тут бывает. Мы не лезем. Конечно, когда мама ее приехала, мы поняли, что-то не так. Но не удивимся, если Алька объявится и расскажет какую-нибудь банальную любовную историю. Она же просила мать не волноваться. Наверное, думала та сделает операцию, будет дальше лечиться. Короче, так сразу в Москву не поедет ее искать.

– Понятно, – вздохнул Лёня. «Современные нравы», – подумал он, – хорошо, давайте я попробую еще с кем-нибудь поговорить, – сказал он вслух.

Он топтался еще некоторое время в коридоре общежития, пытаясь вызвонить ребят из того небольшого списка, кото-

рый дала ему мама Али. Но кто-то не отвечал на звонки, а кто-то сразу говорил, что ничего интересного по этому вопросу рассказать ему не может...

– Вы разыскиваете Алевтину? – голос прозвучал неожиданно над самым ухом.

Лёня вздрогнул и увидел рядом с собой невысокого, худощавого парня в очках и с серьгой в ухе.

– Да. Вы ее друг? Вы что-то можете мне рассказать?

– Могу. Есть мыслишки. Пойдемте, посидим в кафе. Вы мне пивка купите, а я вам расскажу, что по этому поводу думаю.

Вечером в кафе было многолюдно. Лёня нашел свободный столик, заказал два пива и приготовился слушать.

– Итак, вы ищите Альку, – начал очкарик, – что, мамаша спохватилась? Она тоже в общагу приходила.

– Хорошо, хоть мама спохватилась. А то смотрю, ее друзья-то не сильно напряглись. Девушки нет целый месяц, а вам всем по барабану, – ехидно заметил Лёня.

– Нам не то чтобы по барабану. Просто, каждый в наше время живет своей жизнью. К сессии точно спохватились бы – деканат начал бы проверять списки, тут бы все и всплыло. У нас так бывает – пропадают люди до сессии, а к экзаменам снова материализуются. Жить ведь надо на что-то. В основном на заработках все. А лекции можно и онлайн слушать. И домашние задания препы по почте принимают без проблем.

– Понятно, – Лёня отхлебнул пива, – так что с Алей?

– Вы слышали, на западе есть такая вещь, как альтеры?

Альтербионы.

– Что-то читал. Даже, по-моему, передачу про них смотрел, – пробормотал Лёня, наморщив лоб, – роботы. Их в Японии впервые создали. Точные копии реальных людей.

– Точно. Стоят заоблачно. Их в основном покупают актеры, певцы, политические деятели. Те вместо них снимаются в кино, вещают по телеку. Такие вечно молодые копии своих хозяев. Хозяева видят все, что делает их альтер. Некоторые стареющие богатеи с помощью альтеров знакомятся с молоденькими девушками. А стареющие актриски продолжают сниматься и зашибать деньги. В России их использование запрещено.

– Понятное дело! – Лёня вспомнил несколько громких дел, связанных с альтерами. – Роботов заставляли воровать, убивать. Что-то в этом духе. Они же с пульта управляются хозяевами. Выглядят точно как люди. Короче, как только все это началось, так сразу их и запретили. Хотя, говорят, нелегально их все же ввозят... Но как альтеры связаны с Алей?

– Подождите! – студент махнул рукой в сторону Лёни. – Дойдем до Альки. Так вот, на Западе эксперименты сейчас ведутся над людьми. Альтербионы стали неактуальны. То есть их используют, но уже это не модно. Поэтому пытаются в разных научных центрах работать с мозгом человека. Точнее, центров, работающих с людьми всего два – в Штатах и

в Швейцарии. Все происходит тоже на грани нарушения закона. Но они выкручиваются, находят лазейки. Цель экспериментов – стереть из мозга человека информацию, которая там у него находится, и записать новую. Ту, что потребует заказчик.

– Зачем? – не понял Лёня.

– Во-первых, с помощью подобных экспериментов резко продвигаются вперед исследования, связанные с мозгом человека. Британцы, например, как и мы, по-прежнему работают с мышами. Толку – чуть. Во-вторых, популярность инквилинов возросла в разы!

– Кто такие инквилины? – Лёня еле успевал за потоком информации, который на него обрушивал студент.

– Инквилины – это существа, получаемые в результате полного стирания информации из мозга человека и записи на это место информации заказчика. Инквилины, как говорится в рекламе, это идеальные сожители. Вот, например, вы хотите, чтобы у вас была идеальная жена? – студент поправил очки и уставился на Лёню. Лёня задумался.

– Не уверен. Так не бывает.

– Но если представить себе, что бывает. Захотите! Тут же захотите! И вот все ваши пожелания записывают на носитель. Жена готовит, убирает, занимается с вами сексом. При этом не ворчит, не нудит, не просит купить ей шубу!

– Скучно, – произнес задумчиво Лёня.

– Вы женаты?

– Нет.

– Почему? – не унимался студент.

– Потому что не встретил еще любовь свою, – высокопарно сказал Лёня.

– А тут – пожалуйста! Закажите, и вот она – ваша любовь!

– Любовь не закажешь, сердцу не прикажешь, – не сдавался Лёня.

– Короче, вам не надо, а некоторым надо. Спрос большой. Инквизиции теперь бодры, веселы и энергичны. А также жутко, говорят, сексуальны. Воздействуют им там на соответствующие отделы мозга. Но такие эксперименты требуют большего размаха. В России есть нелегальная, подпольная лаборатория, которая занимается этим же вопросом. Расположена она в Москве.

– А ты откуда знаешь? Они что тебе лично все рассказали и показали? – Лёня недоверчиво покосился на студента.

– Нет. К сожалению, не рассказали и не показали, – вздохнул очкарик, – но сами понимаете, мир слухами полнится. У меня мать работает в больнице. Так вот, там явно творятся темные дела. А профессура тамошняя постоянно ездит в Лондон на конференции по борьбе со старением и делает странные доклады. Без экспериментальной базы они подобных результатов не достигли бы. Я сам учусь на биохимическом факультете и разбираюсь кое в чем. А также слежу за инфой в Интернете и в журналах.

– Угу, – кивнул Лёня, – так что с девушкой?

– Аля... Аля мне говорила, что ей страшно нужны деньги на лечение матери. Она отправляла маме все, что зарабатывала. Сама практически голодала. Да мы все тут не жируем. У меня мать – нянечка. Получает гроши. Я тоже не ем бутерброды с икрой на завтрак. В последнее время Алька работала в ночном клубе. Официанткой. Так вот перед своим исчезновением, она говорила, что хозяин клуба ей предлагал за большие деньги какую-то работенку. Аля отказалась, потому что работенка была не очень чистая, как я понял. Но позже, к одной из ее знакомых в общежитии подкатил странный чувак и тоже предложил за большие бабки подработать. Та отказалась. А Алька мне как-то и говорит: «Я попросила тот телефон. Позвонила и спросила, не подойду ли на ту работу я. Чувак говорит, подойдешь. Я спрашиваю, чего делать-то надо. А он мне говорит то же, что и хозяин клуба. Я подумала – это судьба, такое совпадение. Надо идти. Денег маме должно хватить».

– Она сказала, что за работа? – Лёня аж перегнулся к студенту через стол, чтобы слышать каждое слово – в кафе становилось все более шумно.

– Сказала. Сказала, что разрешит проводить над собой научные эксперименты. Сказала, контракт заключается на полгода. Если выживет – вернется.

– И ты нормально это выслушал? Не остановил?

– Нет, не нормально выслушал. Я ей сказал, что эксперименты над людьми у нас запрещены. Что дело тут не чисто.

Алька со мной согласилась. А потом пропала.

– Ты не пошел в полицию? Не рассказал ничего ее матери? – Лёня продолжал возмущаться.

– Я уезжал на конференцию. Когда приехал и узнал о том, что случилось, решил действовать сам. А тут и вы появились. Вы из частного агентства. Предлагаю действовать вдвоем. В полиции у них наверняка все схвачено. Я уже кое-что предпринял.

– Что? – Лёня опять нахмурил лоб.

– Узнал у той девчонки телефон чувака. Сказал, мне тоже срочно нужны деньги. Она ответила, что он только женщинам работу предлагает. Но телефон дала – мало ли что. Вдруг и мужской мозг пригодится для экспериментов.

– А фактец интересный, – произнес задумчиво Лёня, – почему именно женщинам? Только ли здесь дело в научных экспериментах?

– Наверное, не только. Я уже позвонил по тому номеру. Чувак грубо так ответил – работа только для девушек. Почему, спрашиваю. А тот – по кочану, говорит, и по кочерыжке! И повесил трубку. Я попросил знакомую перезвонить. А телефончик-то все!

– Что все? – не понял Лёня.

– Отключен!

– Не проблема. Все равно номер пробьем. Узнаем, чей был. Больше нам и не надо. Кстати, как тебя зовут?

– Да, забыл совсем представиться – Изя.

– Очень приятно. Лёня, – они чокнулись пивными бокалами. – Изя, а в каком клубе работала Аля? Туда бы тоже наведаться.

– Уже.

– Уже?

– Я ж время не терял. Да и не знал, что с вами так удачно познакомлюсь. Пытался действовать самостоятельно. Клуб – жутко закрытый. Туда так просто не пролезть. К нему подъезжают крутые машины с крутыми дядьками. Находится в самом центре, возле Старого Арбата. Я подошел к охраннику, сказал, что ищу работу. Тот меня отшил.

– А как туда попала Аля?

– Не знаю. Те девчонки, с которыми я разговаривал, тоже не в курсе. Может, с прежней работы порекомендовали. Алька ведь, как приехала в Москву, сразу начала подрабатывать именно в подобных заведениях. То есть начинала она с Макдоналдса, а потом пошло-поехало: кафе подороже, рестораны покруче.

– Ладно. Понял. Начнем с чувака. Пробью его номер. И ты посмотри – может он все-таки появится у вас в общаге снова. И маму пораспрашивай про темные дела в больнице. На всякий случай. Что конкретно она имела в виду.

На следующий день Лёня прямо с утра попросил своего друга из полицейского отделения пробить интересовавший его номер. Затем он сел за отчеты. Забывая в файлы часы,

минуты и секунды, происходившие на экране события, адреса, Лёня, не переставая, думал о пропавшей девушке, экспериментах над людьми и о таинственном, мужском, закрытом клубе. Во время обеденного перерыва в поисковике он набил: «инквилины»...

Часть 3.

Раз

– Я знал, конечно, что она учится, – он был высок, плечист и напоминал военного в отставке, – от меня ведь ничего не скроешь. Она все время пыталась врать, а врать у нее получается плохо. Но я-то сначала думал, у нее любовник, что на первый взгляд совсем не похоже на мою жену, но по роду своей работы я сталкивался и не с такими нестыковками. Поэтому нанял ребят за ней последить, – мужчина вздохнул и обвел окружающих тяжелым взглядом. – Случилось это года три-четыре назад. Жена стала отлучаться из дома. Врала про какие-то салоны красоты, которые она вдруг стала резко посещать. А возвращалась-то из них уставшая. Во-все не красавицей, короче, как положено. Ребята за ней ходили и установили, что ездит она в университет. Вот так, прикиньте, учиться ездит в университет тайно от меня. На кой хрен спрашивается? Я имею в виду, на кой хрен, от меня это скрывать? Хотя не понятно и зачем учиться, если у тебя трое детей, и муж неплохо, мягко говоря, зарабатывает, – в этом месте слушатели согласно закивали.

Комментировать что-то вслух, здесь было не принято. Члены клуба лишь одобрительно кивали или, гораздо ре-

же, отрицательно мотали головами, выражая, соответственно, неодобрение.

– Когда мы поженились, жена бросила учиться. Но это и понятно – у нас родился первый ребенок, забот полон рот. Но я ей ничего не запрещал. Хочешь – учись дальше. Нет проблем. Можешь совмещать семейную жизнь, детей, мужа и учебу – совмещай на здоровье! Но она жила себе жила и вдруг пошла тайно учиться. Вот это номер. Я наблюдение за женой сразу снял. Ничего интересного. Только переводить деньги и время на слезку. А она все это время врет. Я слушаю и ржу про себя, – мужчина опять остановился. Он вынул из кармана пиджака пачку сигарет, помял ее в руках и положил обратно в карман.

– Я ржу про себя над ее убогими попытками мне врать, – совсем невесело говорил он. – Я подобрал молодую девочку, голодрань полную. Она ничего не имела, вообще. Из семьи бедных интеллигентов. Прорвалась в МГУ и, конечно, была рада этому, на седьмом небе от счастья. Но МГУ это не панацея, это не гарантия каких-то заработков. И ходит по дому с кислым лицом. Она ходит у нас по дому с кислым лицом с первого же дня совместной жизни. Как свадьбу сыграли, так и ходит. Как будто это я ей что-то должен. Ей ничего не надо: ни пресловутых салонов красоты, ни поездок за границу, ни походов по магазинам. И в постели она такая же... никакая, – мужчина снова похлопал по карману с сигаретами, – отрабатывает. А еще удивляется, что у меня любовни-

цы. Удивляться тут нечему. Естественно, здоровому мужчине нужен здоровый секс, – головы закивали в знак согласия. У некоторых мелькнуло в голове: «Здоровый секс... тут уж хоть бы и не здоровый. Хоть уж какой-нибудь».

– И такая вот ходит кислая с нелепым хвостом на башке, – мужик продолжал свой рассказ более тихим голосом, чем вначале, – нелепая такая. Мать моих троих детей. Детей-то на самом деле у меня четверо. Но старшего бывшая жена увезла в Америку. Увезла, ни слова мне не сказав. Так что не могу я общаться с ним. Не нашел их, хоть и задеиствовал все свои связи. Растворились они там, где-то, как в воздухе. Думаю, что если бы заранее узнал о ее планах, то может и сумел принять меры вовремя. Но бывшая сумела вывезти сына из страны без моего разрешения. Потом мне юрист наш сказал, что американское консульство не требует в обязательном порядке такие разрешения. А на границе, если с матерью, то тоже необязательно. Короче, – он хлопнул рукой по колену и опять заговорил своим обычным «генеральским» тоном, – если эта что задумала, детей ей не видать. Второй такой ошибки я уже не совершу. Тут у меня все под контролем. Учится пусть, дура, учится, если она думает, что ей это поможет. Пусть себе сидит в кабинете с книжными полками с пола до потолка. Но дети останутся здесь. Эти трое останутся с отцом. Ну и она при них. Впрочем, вырастут, и пусть делает, что хочет. Если я ей так противен, пусть уходит. Только ни копейки от меня она в таком слу-

чае не получит. Может МГУ ей поможет... чем сможет, – он усмехнулся недобро, поднимаясь грузно со стула. Мужчина кивнул всем и вышел из комнаты, слегка сгорбив свою повоенному несгибаемую спину.

Два

Он выделялся среди других в первую очередь внешне: пузо, лысина, свитер. Вначале мужчина явно чувствовал себя не в своей тарелке. Но вскоре он успешно вписался в общую картину мужчин, обсуждавших своих жен и не устраивающую их семейную жизнь. Психологи уже всех достали. «Что вас беспокоит?» – это вопрос из анекдота, отвечать на него в реальной жизни никакого желания не возникало. В клубе можно было просто говорить, не ожидая совета – и сами все знают, что делать, не нарываясь на сочувствие – не мужики мы что ли, справимся. Появилась возможность проговорить вслух те мысли, которые витали в голове и не находили выхода, которые и самому себе не проговаривались. Одобрительные кивки, конечно, подбадривали говорящего, но дело было даже не в них. Выговориться, выговориться и не ждать советов, которые всегда готовы дать друзья, за которые оплачено психологу, которые на автомате выдает мать. Не ждать реакции жены, которая все равно будет выворачивать ситуацию в свою пользу.

– У нее всегда были любовники. И кому это понравится? –

мужчина говорил тихо, но уверенно, продуманно ставя одно предложение за другим. – Никому не понравится. Я не исключение. Но раз закрыв глаза на измену, другой раз закрыв глаза на измену, в конце-концов привыкаешь. Я себе всегда повторял: «Я люблю ее, и мне просто повезло, что она со мной». А раз повезло, то и терпи всех этих любовников. И мне даже ведь что-то перепадает с барского стола. Мне тоже перепадает от нее доля внимания. Самое ужасное, я ее теперь ненавижу. А жена у меня красивая. Впрочем, об этом я упоминал в прошлый раз. Следит за собой. Не чета мне. Я за собой не слежу. Только к врачу хожу регулярно. Боюсь, знаете ли, инфаркта. Жена моя считает, что у меня фобия, что надо наплевать на все и жить в свое удовольствие. Она так и делает – живет в свое удовольствие, не работает, ездит на любимые острова, ходит по салонам красоты и в фитнес. Выглядит прекрасно. Я говорил уже об этом. Прекрасно выглядит, совсем не на свой возраст. А я что? Я нервничаю на работе. Много нервничаю. Врач и говорит мне: «Поменьше нервничайте». А как воплощать этот совет в жизнь? Нагрузки огромные. А домой приходишь – еще и жена тебя не понимает. То есть просто не обращает на тебя никакого внимания. Будто тебя и нет. Ей даже не надо денег у меня просить – у нас общая карточка, пожалуйста, снимай, сколько тебе надо и тратить. Что она и делает, – мужчина помолчал немного, слушатели сидели, наклонив головы слегка набок, полные внимания и понимания одновременно.

– Понимаете, я боюсь, – неожиданно продолжил мужчина. Все слегка вздрогнули. Слово «боюсь» никто до этого не произносил. Мужчинам такого калибра не гоже бояться, тем более своих жен. Но слово нашло какой-то странный отклик в душах членов элитного клуба. Как будто змея подлючая, слово выползло наружу, вытягивая за собой страхи, которые прятались до поры до времени глубоко внутри.

– Я ее боюсь, – повторил еще раз выступавший, – можно ведь было бы развестись к чертовой матери, – казалось, он сам испугался такого поворота событий, пусть даже и гипотетического, – да, я ее ненавижу и давно уже не люблю. Но я боюсь ее, как черт ладана. Или скорее наоборот, как ладан черта. Я думаю всегда: «Пусть будет так, как хочет она. Пусть она сама принимает решения. Пусть сама решит меня выбросить из своей жизни, как ненужную больше вещь на помойку». И я боюсь, что она решит когда-нибудь действительно от меня избавиться. Что когда-нибудь она заведет любовника, в которого влюбится. Был однажды, не так, кстати, давно, случай. Я пришел домой и застукал ее с парнем, – народ неодобрительно закачал головами, на время забыв про противное «боюсь». – Нет, не прямо в постели, если можно так сказать после нее. Парень был молодой, лет нас на пятнадцать моложе. Что-то там мне жена про него врала. Чушь несусветную. А я стоял молча и все это съедал. Не мог ничего возразить. Опять боялся. А потом подумал про то, что она может влюбиться и уйти. Ведь в молодых часто влюбляются.

Крышу сносит и все. Чаще, конечно, из семей из-за молодых любовниц уходят мужики. Но и женщины вполне могут выкинуть такое. Моя жена точно может. Я как-то это четко почувствовал в тот момент, увидев перед собой высокого, подтянутого, смазливого парня. И что я буду делать один? Что будет нужно мне одному? Ни-че-го, – мужчина хлопнул рукой по подлокотнику кресла и поморщился от боли, – ничего мне не нужно будет. Брошу эту чертову нервную работу, перееду за город. Буду рыбу ловить. Мне ничего не надо будет. Только смотреть на воду и ждать, когда клюнет. Носить буду старые, драные штаны, старую куртку и резиновые сапоги. У меня нет этого ничего. Все старое потихоньку жена повыбрасывала. Но денег на простую одежду хватает, на простую еду тоже. Пусть все с собой забирает, все. Я только возьму денег на маленький домик без удобств около речки. За сотым километром, чтоб подешевле было, – слушателям мужика жалеть расхотелось. Они явно не одобрили такой сценарий. Но там не принято было озвучивать свое мнение. Не одобрили и ладно. Пошли по домам. А мужик хочет вот так в итоге окончить дни свои, в старых штанах в домике без удобств, дело его. Хоть это и не правильно в корне!

Три

Историю в этот раз рассказывал голубоглазый брюнет невысокого роста лет сорока. Брюнет как будто сошел с экра-

на, на котором показывали фильм про бизнес начала девяностых прошлого века. Вроде он и не принадлежал к разряду бритоголовых братков, но что-то прямо-таки навевало своеобразную ностальгию по тем годам.

– Ум не такой уж и большой недостаток. Ум становится недостатком, когда женщина неправильно им пользуется, – мужчина, казалось, и сам наслаждался выдаваемыми сентенциями, – недаром придумали выражение «гибкий ум». Вот этой самой гибкости женщинам и не хватает. Так что я не могу сказать, что умная женщина – это плохо. Не плохо. Но надо быть как-то где-то гибчее, – «гибче», мысленно поправили особенно продвинутые в русской грамматике слушатели. – Жена моя тратит жизненные силы на то, чтобы мне что-то доказать. А что мне доказывать? Что она отлично знает английский? Я в курсе. Что она умеет, оказывается, рисовать? Умеет, не спорю. Не Айвазовский, конечно, но рисует неплохо. Что читает она больше моего? Больше, и это не вызывает сомнений. Мне так некогда читать. Я, может, и хотел бы восполнить пробелы школьного образования и прочитать «Войну и мир», например. Или Достоевского. Я почему говорю Достоевского: у меня один кореш прочитал все его книжки в тюрьме. Засел туда по дури на пару лет, ну и от нечего делать прошерстил всю библиотеку. Говорит, Достоевский сильно повлиял на его взгляды на жизнь и вообще на мировоззрение. Конечно, и я бы хотел в связи с этим прочесть что-нибудь такое, капитальное. Дружбан мой не по-

следний человек в бизнесе. Значит, на пользу Достоевский пошел, не врет паршивец. Но не садиться ведь ради этого в тюрьму!? Тьфу, тьфу, тьфу, – мужик постучал по ножке кресла, присутствующие тоже поплевали и постучали. – Но что является для женщины более важным, чем ум? Выносить ребенка. Моя вот не смогла. Врачи говорят, что все у нее там со здоровьем соответствующих органов в порядке. Так что ж, может это от ума? А я не удивлюсь. Она сама говорит, что в мире все взаимосвязано. Значит, выводы надо сделать, а не рисовать учиться. Расслабиться чуток умом. Поменьше читать Достоевского. Может, он вообще только для мужского ума полезен. Кто это выяснял? Не спорю, баба-дура раздражает. Сначала с ней вроде и ничего, даже приятно, но потом раздражать начинает. Но мы и не говорим о крайностях, – их было мало, сидевших вокруг, они все в унисон по-прежнему согласно кивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.